

Анастасия
Терри

Самый
лучший мантасж

18+

Анастасия Терри

Самый лучший шантаж

<https://litres.ru/73092748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два одиночества. Одна безумная авантюра.

Он не делает поблажек. Не просит прощения. И уж точно не встаёт на колени.

Она не умеет отступать. Не верит людям. И шантаж считает разновидностью флирта.

Их знакомство — это дуэль, где каждый выстрел точнее предыдущего. Они соревнуются, кто больше заденет сарказмом, кто хладнокровнее сделает больно. И проигрывают оба, с головой погружаясь в ад, из которого, кажется, нет выхода.

Их история — о том, как самые твёрдые стены рушатся от одного настойчивого стука. И о том, что даже у самого закрытого парня есть слабое место — дерзкая девчонка, которая не просит, а забирает. Его доверие. Его защиту. И его сердце.

Сможет ли шантаж перерасти во что-то большее, когда на кону — не только сердца, но и жизни?

Любовь или война? Иногда это одно и то же.

Содержание

Они спасли друг друга, хотя никто из них не искал спасения. Их история – о том, как из осколков прошлого можно собрать будущее.	4
Пролог	4
***	15
Глава 1	20
***	25
***	40
Глава 2	48
***	59
Глава 3	72
Глава 4	82
Глава 5	99
***	107
Глава 6	110
***	115
Глава 7	123
***	126
Глава 8	137
Глава 9	154
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Самый лучший шантаж

Они спасли друг друга, хотя никто из них не искал спасения. Их история – о том, как из осколков прошлого можно собрать будущее.

Пролог

«Может быть, не все уходят. Может быть, кто-то приходит именно тогда, когда ты перестаешь ждать.»

Я подстроилась под шаги Милли, но её кеды все равно цеплялись за всё подряд.. За нашими спинами осталась кофейня, где мы только что сидели с латте в руках. Летний вечерний ветерок трепал волосы Милли, но она даже не попыталась их пригладить – слишком крепко сжимала ручку сумки, будто боясь выронить не только ее, но и саму мысль, что его взгляд на нее может быть особенным.

– Дорогая, мне кажется, ты себя накручиваешь, – сказала я, притворяясь спокойной и в то же время отчаянно скрывая, что глубоко внутри понимаю её слишком хорошо. Понимаю эту тихую панику, когда сердце бьётся только об одну

стенку – глухую и немую. Моя собственная, похороненная поглубже, мысль о том самом парне отзывалась в её словах знакомым холодком. – Может быть... – Я сделала паузу, чтобы голос не дрогнул, и продолжила уже с наигранной, почти убедительной лёгкостью: – Кхм, знаешь, а мне кажется, он просто запал на тебя. По уши. Просто боится подойти. Ты же знаешь, какие сейчас парни... – я махнула рукой, изображая вселенское понимание мужской психологии. – Сплошная броня из крутости, а внутри – семиклассник, боящийся протянуть записку. Он наверняка пялится на тебя украдкой, когда ты не смотришь, и строчит в голове гениальные диалоги, которые никогда не произнесёт вслух.

На это Милли лишь фыркнула, отвернувшись к витрине книжного магазина. В мутном отражении стекла я видела, как она покусывает нижнюю губу – жест, который я знала, как свои пять пальцев. Этот беззвучный диалог с самой собой, когда слова запутываются где-то внутри, а на выходе остаётся только это нервное движение. Знак не просто тревоги, а той самой, мучительной неопределённости, которая сводит всё внутри в тугой, болезненный узел.

– Запал? – повторила подруга, будто это слово обожгло её язык. – Фай, он вчера даже не ответил на мой мем в общем чате. И вообще, ты всегда так говоришь. Помнишь Джексона? Ты три недели убеждала меня, что он сходит по мне с ума, а он вон с кем начал встречаться...

Голос её дрогнул на последних словах, и я резко остано-

вилаась, хватая её за локоть.

– Стоп. Ты опять за своё. – Я замолчала, подбирая слова, пока мимо нас с шумом проносился электросамокат. – Слушай, в прошлую субботу в кафе он «случайно»... – Я показала в воздухе пальцами кавычки. – Оказался в одной очереди с тобой. Он пытался предложить купить тебе кофе, пока ты прикидывалась, что внимательно изучаешь меню на потолке. А вчера? Ты, конечно же, тоже «случайно» оставила на скамейке свою любимую книгу – с которой не расстаёшься ни на день. И кто, по-твоему, потом два часа её искал, пока не нашёл у тебя же в сумке? Он! Он хотел помочь, а ты сделала вид, что сама не заметила, как положила её обратно.

– Он просто хороший человек, – перебила подруга, но в её голосе уже не было прежней уверенности. – Может, он так со всеми...

– Хорошие люди, дорогая, не запоминают, какой именно кофе ты пьёшь. – Я твёрдо продолжила. – Вчерашней сцены в кофейне после твоего ухода мне хватило, чтобы это понять. Мы купили кофе, зашёл Хэнк, ты вышла... а я – ну что поделывать, ради чистого интереса – задержалась на минутку, будто искала что-то в сумке. И подслушала. Мне хватило этих секунд, чтобы уловить самое главное: ты ему не безразлична.

Милли замерла, не в силах сделать новый вдох.

– Он дважды спрашивал у бариста, что ты заказала, – продолжила я, наслаждаясь её реакцией. – И, видимо, очень настойчиво, раз тот парень за стойкой сдал тебя с потрохами:

«Латте на овсяном молоке, берёт каждый день». Хотя... – Я понизила голос до конспиративного шёпота. – Я всё же надеюсь, что он при этом следил за языком. Будет неловко, если Хэнк вдруг узнает, что ты иногда подливаешь в этот самый латте коньяк прямо на виду у всех.

Попытка разрядить обстановку сработала. Милли улыбнулась, но тут же опустила взгляд, снова уйдя в себя. Мы к тому времени дошли до парка, и нашу тишину вдруг разрезала громкая, навязчивая музыка – где-то неподалёку компания ребят устроила импровизированную вечеринку на траве. Внезапный гул басов и смех прозвучали так же неуместно и оглушительно, как неловкое признание, повисшее между нами.

Признание в её собственных чувствах. Признание в том, что она боится, но очень хочет, и не решается.

– А если... – она замялась, нервно перебирая пальцами брелок на сумке – потёртого кожаного мишку, – а если я опять ошибусь? Вдруг он не тот, кем кажется? Я же не как ты, Фай. Я не могу просто так подойти и...

– Никто не просит тебя подходить, – мягко произнесла я, поглаживая её плечо. – Просто перестань прятаться за «вдруг он не тот». Дай ему шанс. Дай себе шанс.

– И к тому же... – она покраснела, глядя куда-то в сторону, – ты видела, как он иногда на меня смотрит? Будто... будто хочет не просто поболтать, а буквально съесть. Взглядом, знаешь ли, таким... пожирающим.

Мы посмотрели друг на друга – и через секунду обе громко расхохотались, сбрасывая накопившееся напряжение.

– Ну и пусть смотрит! – сквозь смех выдохнула я. – Это же комплимент в его, хищнической, манере. Ты же замечательная, дурочка. Не стоит так в себе сомневаться.

Я уже и не знаю, сколько мы бродим по городу, болтая обо всём на свете. Мы просто решили встретиться с моей подругой из колледжа и погулять. Близких друзей у меня, если честно, нет. Наверное, со стороны я кажусь замкнутой и нелюдимой, но дело не в этом. Просто... я не привыкла подпускать людей по-настоящему близко. Близко к сердцу. Потому что потом всегда больно отпускать. А они уходят – в этом я никогда не сомневалась. Люди всегда уходят, рано или поздно.

Но к моему удивлению, с Милли мне хорошо. Она словно островок тепла в этом холодном океане. И вот теперь я ловлю себя на мысли: а в чём, собственно, смысл всего этого? Зачем снова открываться, если опять будет больно? Но с другой стороны... Может, смысл как раз и есть в том, чтобы позволить себе быть рядом, даже зная, что всё временно?

Мы гуляем по улицам нашего забытого богом городка – Хоупвелла. Даже название звучит как ироничный эпилог: не великая битва, а тихое затухание под палящим солнцем. По будням здесь почти никого – только редкие машины мелькают мимо, как тени, и старый почтальон ковыляет с сумкой, полной неотправленных надежд. Витрины магазинов выгля-

дят пыльными, а над тротуарами дрожит горячий воздух, будто город вздыхает от зноя. Но по выходным этот городок оживает. Молодёжь слетается со спальных районов и окраин, собирается у разваливающегося кинотеатра, где когда-то крутили «Титаник», а теперь – лишь изредка включают старый проектор для местных фестивалей. Смех звучит медленнее, липнет к коже, как пот, а музыка из телефонов плывёт над асфальтом, раскалённым до хруста.

А мы с Милли идём чуть в стороне от этой суеты. Она в лёгком хлопковом платье, босиком – обувь болтается в руке, перевязанная шнурком. На плечах – старое джинсовое пальто, которое она всё равно не снимет, даже если на нас будет падать метеорит. Иногда она запрокидывает голову и смотрит в небо – не в поисках чего-то, просто чтобы почувствовать, как солнце играет на ресницах. Улыбается себе под нос, и я ловлю себя на том, что тоже улыбаюсь – без причины, просто от того, что рядом кто-то, с кем не нужно объяснять молчание.

Мы почти не говорим. Но это не то молчание, что давит – оно тёплое, как асфальт под босыми пятками в сумерках. И впервые за долгое время мне не страшно, что она уйдёт. Может, потому что она пока не просится внутрь – просто идёт рядом. А может, потому что в этом тихом, обветшалом городке, где лето тянется бесконечно, как резинка на старых трусах, её присутствие кажется единственным доказательством: я всё ещё способна чувствовать – и, возможно,

быть услышанной.

– Иди, у меня шнурок развязался, – сказала я, показывая ей рукой вперёд, чтобы она шла без меня.

Я остановилась, чтобы завязать этот дурацкий кусок ткани, который вечно торчит там, где не надо. Ругалась про себя – не столько на шнурок, сколько на всё вообще: на жару, на пыль, на то, что даже мелочи не дают покоя.

Мы стояли на аллее напротив парковки – той самой, где мы с Милли иногда гуляли с её котом; это у нас было что-то вроде ритуала. И вдруг из-за кустов донёсся странный звук. Не мяуканье. Не лай. А... вой? Или мычание?

– Это точно не животное, – прошептала я, сама не зная, кому.

Я шагнула ближе к зарослям, ограждавшим аллею. Листья шуршали под ногами, а закат слепил глаза, заливая всё вокруг огненно-золотым сиянием. И тут я увидела его.

Ох, эту макушку... эту взъерошенную, растрёпанную макушку я узнаю из тысячи.

И тут в моей голове – щёлк – будто кто-то включил фонарь в комнате, где я годами не решалась зажечь свет.

Я резко поднялась с корточек, шнурок так и болтался, как хвост испуганной ящерицы, но мне было не до него. Подбежала к Милли, пока ещё видимой в последних лучах заката.

– Дорогая, остановись! – этот крик вырвался из меня срывающимся, надтреснутым, будто я пыталась крикнуть не подруге, а самой себе. Будто я уже не просто бежала по ас-

фальту, а разбегалась и прыгала через барьер собственных запретов. В голове тут же, натужно и чётко, застучала логика: *«Это не твоё дело, остановись и иди домой»*. Но тело эти доводы не слышало. Ноги, будто заведённые пружиной, сами неслись вперёд, сметая на пути все разумные *«нет»* и *«нельзя»*. Они слушались только одного – того сгустка ужаса и адреналина, что сжался под рёбрами и тянул меня в темноту, туда, где двигались тени.

Она оторвалась от телефона лишь на секунду, мельком глянула на дорогу, и тут же снова уткнулась в экран, продолжая переписываться со своим «красавчиком». *«Как она вообще видит, куда идёт, если из телефона не вылазит?»* – мелькнуло у меня в голове, пока я смотрела, как её пальцы порхают по стеклу, а шаги автоматически обходят препятствия.

– Что такое? – наконец проговорила она, но шаг не замедлила.

– Придётся перенести нашу прогулку, – выдохнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Мне мама написала... дома нужна помощь.

Только тогда она остановилась. Повернулась. Взгляд медленно сполз с телефона на меня – и в нём мелькнула тревога. – Видимо, что-то серьёзное, раз ты так разволновалась, – сказала она тише.

– Да нет, просто... семейные дела, – улыбнулась я, чуть шире, чем нужно. – Проблемка, но такая, что я точно справ-

люсь. Не думай об этом.

Она кивнула. Милли знает мало – о моей семье, и о моих «проблемках», и о том, как я вообще устроена внутри. К тому же никогда не лезла с расспросами. Не потому что не заботится – просто чувствует границы. И сейчас это... спасает.

– Давай я тебе чуть позже напишу, – добавила я мягко, – и ты сама убедишься, что у меня всё в порядке.

– Ну, хорошо. Ты, значит, сейчас домой? – с мягкой улыбкой спросила Милли, смахивая с лба прядь волос, прилипшую от жары.

Вопрос прозвучал как проверка на честность. *«Нет, не домой, – кричало внутри. – Мне в ту, другую сторону, за угол, туда, где он...»* Но сказать это вслух – значит признаться, признаться во всём сразу, в этой новой, хрупкой и пугающей реальности, которая ещё не обрела слов. Милли бы не отпустила, начала бы расспрашивать, волноваться, и этот миг – хрупкий, как мыльный пузырь, – лопнул бы на её глазах. Я не была готова ни делиться, ни объяснять. Не сейчас. Это было только моё.

– Да-да, всё верно, – поспешила я, чувствуя, как по спине бежит предательский холодный пот. – Но мне сначала кое-куда заглянуть надо. Туда. – Я махнула рукой в совершенно произвольном направлении, лишь бы не туда, куда на самом деле, – по мелкому делу. А ты иди. – Я посмотрела на неё с лёгким, наигранным упрёком, переводя стрелки. – Хоть по сторонам смотри, а то совсем в телефон зарылась.

Ложь вышла лёгкой и обтекаемой, но комок вины уже застрял где-то в горле. Я солгала близкому человеку. Ради призрака в сумерках.

Она нахмурилась:

– Точно? Ты же знаешь, я помню, где ты живёшь...

Вот оно. Она пойдёт проверять. Или предложит проводить. Надо быстро, быстро что-то сказать, что-то правдоподобное... Укол паники был острым и мгновенным.

Но пока я думала над ответом, мой взгляд, наверное, стал слишком уж откровенным – в нём читались все мои собственные, неразрешённые вопросы. И Милли, мой верный детектор по части душевных бурь, видимо, всё поняла. Она лишь мягко обняла меня за плечи, не настаивая, не требуя продолжения. И за эту тактичность, за это молчаливое «всё хорошо», я была ей безмерно благодарна.

Я ответила на объятие коротко, но крепко, на секунду уткнувшись носом в лёгкую ткань её летнего платья, пропахшую солнцезащитным кремом и яблоком.

– Тогда до встречи, – сказала она, уже отступая. – Будь осторожна, – добавила и, улыбаясь в экран, побежала прочь, будто за ней кто-то гнался. Её кеды, которые она уже успела надеть, гулко зашлёпали по раскалённому асфальту, оставляя за собой лёгкие облачка пыли.

Я проводила её взглядом, пока её силуэт не растворился у поворота. Внезапная тишина после её ухода показалась оглушительной, наполненной лишь стрекотом цикад. Я медлен-

но выдохнула душный воздух, повернулась и пошла в противоположную сторону.

А внутри всё ещё стучало: что-то серьёзное... что-то серьёзное...

Хотя на самом деле серьёзного не было ничего. Кроме него.

Именно его силуэт, его характерную позу – но это была не задумчивая поза – он стоял, наклонившись к кому-то, и его плечи были напряжены, а жесты резки. *Того, кто замер в тени напротив Аллеи. И чью макушку, и этот знакомый изгиб спины, я узнала бы из тысячи.* Вот почему мне так срочно нужно было уйти. Вот почему я солгала подруге, что всё в порядке и что мне просто «кое-куда нужно заглянуть». Сердце колотилось не от тревоги – а от предвкушения. И от страха, что он выпрямится, развернётся и уйдёт, если я задержусь.

А я снова оказалась у кустов, ограждающих аллею. Сердце колотилось, заставляя кровь гудеть в ушах. Спешно и почти бегом, лишь бы он не исчез.

Пока я стояла и лгала подруге, пока изо всех сил пыталась удержать на лице маску беззаботной улыбки, – всё перевернулось. Он уже не просто стоял, склонившись. Теперь он двигался. Резко, жёстко, с пугающей, хищной грацией. В сгущающихся сумерках я различала лишь всплески движения – тени, рвущиеся вперёд и отскакивающие, – и глухие, влажные звуки, от которых кровь стыла в жилах. Тут уже всю разгорались страсти, но моё собственное сердце замерло. Я смотрела глазами, которые, я уверена, стали «по пять копеек». Но смешного не было ничего. Совсем.

Потому что в сумерках я увидела, как этот атлет, завидный спортсмен и красавец нашего колледжа, тот самый, чья улыбка сводила с ума половину потока, перестал просто двигаться. Он обрушился всей своей массой на извивающегося под ним мужчину. Это уже не была драка, где есть шанс дать сдачи. Это было холоднокровное, методичное избиение. Каждый удар – точный, жёсткий, беззвучный с такого расстояния, но от того ещё более чудовищный – отзывался во мне глухим спазмом, будто кто-то сжимал внутренности в ледяном кулаке.

Это было не выяснение отношений. Это было наказание. Что-то древнее, животное и невероятно страшное, разворачивающееся в двадцати шагах от меня.

«Он... Что он делает?.. Кто этот человек? За что?..» — мысли метались, не находя опоры. Образ, который я лелеяла в голове — загадочный, тихий, мой — треснул и пополз осколками, обнажая нечто совершенно иное, чужое и опасное. Прежнее предвкушение обратилось в ужас, а страх, что он уйдёт, сменился леденящей надеждой, что он всё же уйдёт, исчезнет, и это видение никогда не было правдой. Но он не уходил. Он хотел закончить начатое.

Отсюда не очень хорошо видно, но я пригляделась и увидела кровь на лице мужчины, который лежал на земле. Тёмное, маслянистое пятно, расплывающееся по асфальту в отсветах уличного фонаря. И я поняла, что это никакой не розыгрыш.

«Божечки-кошечки, что он творит?» — пронеслось в голове, пока я инстинктивно прикрывала рот ладошкой, чтобы заглушить собственный стон.

— Эй! — крикнула я, но голос сорвался на шёпот. Он никак не реагировал на мои слова, поглощённый чем-то ужасным. Он что-то шипел, выкрикивал тому человеку сквозь стиснутые зубы, обрывки фраз долетали до меня: «...получи, падаль... думал, спрячешься?... это тебе за всех...». И с каждым словом — новый удар, то в лицо, то в живот, с глухим, мягким звуком, от которого мутило.

— Эээй, пс, пссс! — не сдавалась я, делая шаг вперёд. Никакой реакции, будто он был в броне из собственной ярости. — Хватит! — Мне пришлось подойти поближе, но не настоль-

ко, чтобы тот, кто лежит на земле, смог меня опознать, раз уж на то пошло.

Парень медленно, очень медленно поднял голову и посмотрел на меня. И в его глазах не было ничего знакомого – ни тени задумчивости, ни намёка на того человека, за которым я наблюдала. Там бушевала чистая, неразбавленная злоба. Что-то плоское, чёрное и бездонное, что заставило холод пробежать по спине. Это был взгляд того, кто не видит тебя, а видит лишь помеху. – Эй, слышишь? – Имя я его тоже не стала называть, чисто в конспиративных целях, но теперь и потому, что боялась, как отреагирует это новое, чужое существо с его лицом. – Пошли. – Я протянула ему свою руку, и он посмотрел на неё, потом перевел взгляд на меня, с абсолютным непониманием, будто я показала ему палку, а не ладонь.

– Свали, – бросает он мне сквозь зубы, и в голосе нет угрозы, только плоская, безразличная команда.

– Он хотя бы жив?! – громким шёпотом выдыхаю я, заставляя себя не отшатнуться от его тона, бросая взгляд на распластавшуюся на асфальте фигуру. Тот, похоже, уже отправился в краткосрочный отпуск без сознания.

– Вроде... – Он начинает похлопывать того по щеке, небрежно, с отвращением, словно проверяя, не сломалась ли игрушка. – Да жив, видишь, двигается и дышит. Ну это пока.

– Ты что, совсем с ума сошёл? А если бы ты его, не дай бог, убил!? – продолжаю я, но голос уже дрожит. Он и с места не

сдвинулся, продолжая прожигать меня этим адским, пустым взглядом.

– Да отвяжись ты, что пристала? – бросает он, резко повернув ко мне голову. – Вали, я сказал. Мы просто... беседуем. – Он произнес последнее слово с такой нарочитой небрежностью, что по спине пробежали мурашки. Но когда его взгляд встретился с моим, на его губах появилась странная, кривая улыбка. В ней не было ни радости, ни злости – только усталое, почти что признательное понимание того, что я здесь.

– Всё, пошли, я видела людей рядом, скоро тут будет полиция, – я продолжаю тянуть ему руку, отчаянно пытаюсь достучаться. – А ещё нужно вызвать скорую! Этому. – Показала я на мужчину пальцем. – Ему явно требуется неотложная помощь в возвращении в реальность.

– Да брось, не так уж и сильно я его покалечил. Хотя... – Его взгляд снова скользнул к лежащему, и в нём вспыхнула знакомая искра. – Такому уроду ещё мало досталось, честно говоря.

Он занёс руку, кулак сжат так, что кости побелели. Я инстинктивно вскинула свою и остановила его на взлёте, обхватив запястье. Он вздрогнул, как от удара током.

– Пошли, нужно идти, – уже умоляюще произнесла я, чувствуя под пальцами бешеный пульс.

Только сейчас он увидел меня. Его взгляд упал на мою руку, сдерживающую его, потом на моё лицо. Что-то дрогнуло.

Он выдохнул долгим, прерывистым выдохом.

– Ладно. Если полиция в пути, значит, и скорая будет. Пусть разбираются, – произнёс он уже другим, сдавленным голосом, но всё ещё отстранённым. – А то он тут себе профиль отлежал.

Взгляд его потух, сменившись пугающей опустошённостью. – Да, ты права. Нужно валить отсюда.

В этот момент человек, лежавший на земле, застонал и начал дико, нечеловечески кричать и звать на помощь. Этот крик, словно щелчок, вернул парня в реальность. Он резким движением соскочил с того, схватил меня за руку, переплетая наши пальцы в мёртвую хватку – видимо, он только сейчас в полной мере понял, что натворил.

– Бежим, – бросил он одно слово, и мы сорвались с места. Нужно бежать. И как можно дальше отсюда. От крови, от криков, от того, что я только что увидела в его глазах.

Глава 1

Прошлый вечер

Фай

«Браво. Маска держится идеально. Только глаза... они как титры в конце фильма, где мелким шрифтом написано: "Никакой силы не осталось. Веселье бутафорское.»

В комнате снова тихо и одиноко. Внизу, из кухни, доносится грохот посуды – мама после своего очередного двухнедельного заплыва решила, что один правильный ужин что-то изменит. Увы, я уже не верю. От этой мысли становится особенно грустно и горько – ведь я так хотела ей помочь. Водила по врачам, уговаривала, сидела рядом в бессонные ночи... Но они бессильны, если человек сам не хочет вылезать из ямы. А она не хочет. И от этого осознания сжимается сердце: ты стоишь на краю, протягиваешь руку, а тот, кто тонет, просто отворачивается, предпочитая темноту.

Сидя на кровати, я перевела взгляд на зеркало и посмотрела на своё отражение, как на чужое фото. Прямые светлые волосы до лопаток. Большие, будто надутые губы. Глаза – голубые, красивые, но пустые. В них не осталось того света, что был раньше. Я всегда считала, что глаза – самая честная часть тела. В них можно прочесть всё: и тихую радость, и бездонную грусть. Но прочитать их сможет только тот, кто захочет не просто взглянуть, а увидеть. Кто заглянет за эту

голубизну и найдёт там меня.

А что если искать там уже нечего? Что если «я» растворилась в этой пустоте, оставив после себя лишь красивую, холодную оболочку? Вопрос повис в тишине комнаты, острый и безответный: Смогут ли эти глаза светиться снова? В них больше нет надежды — лишь привычная, выжженная грусть и чувство одиночества, такое густое, что его, кажется, можно потрогать. Оно заполнило всё пространство внутри, превратив даже отражение в незнакомку, которая молча смотрит на меня с немым укором: «Где же ты?»

Внезапный звук – телефон вибрирует, разрывая тишину и моё самокопание. Сообщение:

Милли: Хэй, приветик! Не хочешь сегодня пойти на вечеринку? Там будет вся компания Сандлера))) Начало в девять.

Я знаю её симпатию как свои пять пальцев. Каждую деталь, каждый её вздох, когда она говорит о нём. Она уже сто раз описала мне его улыбку, его манеру говорить. Кажется, я могла бы и сама теперь рассказывать о нём — так хорошо его себе представляю.

Но есть у меня одна тайна. Большая. Она не знает, что в моей голове и сердце живёт совсем другой человек. Не из их компании. Просто парень из той самой популярной, весёлой тусовки, на которого все всегда смотрят. Я сама не замечаю, как ищу его глазами в шумном коридоре среди толпы людей, как замираю, если слышу его смех. А он даже не подозревает

о моём существовании.

Думаю, расскажу ей как-нибудь. Она ведь так любит романтические истории, прямо как в её любимых книжках. Обрадуется, что такая история происходит наяву. Пусть даже она — пока только в моей голове.

Надеюсь, моя история окажется повеселее, чем её любимый любовный роман про герцога и горничную. Хотя, судя по последним событиям, конкуренция будет серьёзная.

Фай: *Привет! Я за. Встретимся на перекрёстке за полчаса? Я буду в чёрном)).*

Отвечаю быстро, стараясь, чтобы в сообщении звучала лёгкость и предвкушение. Не хочу, чтобы она уловила фальшь, не хочу лишних вопросов. Мне и так хватает тишины внутри, не нужно, чтобы её нарушали чужие тревоги.

Есть такое выражение: «Все видят, кем вы кажетесь, но никто не знает, кто вы есть». Я услышала его где-то, и оно застряло во мне, как заноза. Теперь я живу по этому принципу – будто ношу маску, за которой можно спрятать всё: и пустоту в глазах, и грохот разбитой посуды внизу, и тихую надежду, что однажды кто-то всё же увидит не маску, а то, что под ней.

Хотя с моей репутацией я особо не заморачивалась – в конце концов, я самая обычная девушка из спального района. Учусь почти на отлично, а в свободное от зубрёжки время подрабатываю в закусочной «Blue Hour». Директор, Джек, утверждает, что название – это тонкий намёк на мои глаза.

Мол, тот самый «голубой час» перед рассветом, когда свет становится волшебным и пронзительным. Звучит, конечно, поэтично, особенно если не знать, что заведение открылось лет пять назад, а я тут всего полгода. Видимо, это его такой изысканный способ сказать: *«Детка, у тебя красивые глаза, хочешь поработать на меня ночью?»*. Я делаю вид, что не понимаю намёков – я здесь, чтобы разносить бургеры, а не заводить романы с мужчинами, которые по возрасту могли бы быть моими дядями, да и дядей – сомнительной репутацией. К счастью, сейчас у меня целый месяц отпуска – можно наконец взяться за учебники и выдохнуть. До конца учёбы осталось всего две недели, а там – долгожданная свобода, когда можно будет спать до полудня и не думать о работе.

Нам с мамой моей зарплаты хватает, чтобы не голодать и платить по счетам. Правда, на красивые глупости остаётся немного, поэтому я иногда беру ночные смены – они оплачиваются щедрее. Эти деньги превращаются в новую кофточку, в чашку капучино с Милли в парке, в маленькие, но такие важные радости. Они напоминают, что ты живёшь, а не просто перекладываешь бумажки и тарелки из пункта А в пункт Б. Хотя, если честно, иногда после десятичасовой смены с подносом в руках я чувствую себя скорее высококвалифицированным транспортным средством, чем романтической натурой с глазами «голубого часа». Но это уже детали.

Милли ответила минут через пятнадцать. Написала, что очень рада, что я вылезу из дома, и сообщила, что сегодня

будет в красном – хочет выделиться перед парнем своей мечтой. Чувствуется, как у неё всё внутри трепещет от предвкушения.

Закончив почти всю домашку, смотрю на время – уже пора собираться. Достаяю из шкафа своё чёрное платье: приталенное, на тонких бретельках, сидит на меня идеально. К нему – чёрные босоножки на невысоком каблуке, чтобы было удобно танцевать, и маленькую сумочку, расшитую бисером, которая переливается при свете. Быстро одеваюсь, навожу лёгкий макияж: чуть-чуть подводки для стрелок, ненавязчивые румяна и бардовая помада, которая добавляет образу смелости. Волосам даю чуть завиться, и... вуаля. Готова. Готова если не покорять город, то хотя бы ненадолго забыть грохот посуды и бессилие. Сегодня вечер принадлежит мне.

В назначенное время мы встретились с Милли. На ней было лёгкое алое платье и чёрные лодочки, в тон которым – маленький клатч.

– Вау, какая ты красотка! – тут же выдохнула я. – Хэнк, боюсь, чем-нибудь подавится, когда тебя увидит.

– Фай, а ты себя в зеркало хоть видела? – глаза Милли заискрились. – Ты будто Париж собралась покорять. Да ещё в таком платье... Мне кажется, или ты для кого-то нарядилась? – её улыбка стала такой широкой, что, казалось, могла осветить всю улицу.

– Да, ты права. Есть у меня один очень важный человек в моей жизни. – Не удержалась я, и в голосе прозвучала та самая сладкая тайна, от которой даже у меня внутри всё ёкнуло.

Мы стояли на перекрёстке, ожидая зелёного сигнала, и городской гул казался приглушённым фоном для нашего разговора. Мили повернулась ко мне, и её глаза стали огромными от любопытства. В них читалась жадная, нетерпеливая надежда, что я сейчас раскрою главный секрет сезона.

– Для себя любимой, дорогая. Только для себя, – выпалила я, смотря на загорающийся зелёный свет светофора, но не делая шага.

Городской шум на секунду вернулся, оглушительно яр-

кий, и в этой суете мои слова повисли в воздухе, странно пустыми и неверными. Внезапно нахлынула волна такой острой грусти, что дыхание спёрло. Да, для себя. Всегда — для себя. Каждое уложенное движение волос, каждый намёк на макияж, этот чёрный силуэт платья, который так красиво подчёркивает линию плеч... Всё это я выбирала в тишине своей спальни, ловя на себе собственный оценивающий взгляд в зеркале. И в этой тишине рождался жалкий, крошечный лепесток надежды: «А вдруг кто-то заметит? Оценит? Увидит не просто меня, а вот эту хрупкую, нарядную версию меня?»

Но никто не замечал. Или замечал, но не тот. А тот, чьё внимание могло бы согреть изнутри, смотрел куда-то в другую сторону, туда, где ярче, громче, очевиднее. Вот и получалось, что весь этот «Париж» на мне — всего лишь красивая декорация для одностороннего спектакля, где зритель и актриса — одно лицо. Жалко и горько.

«Прости, дорогая, — пронеслось у меня в голове, пока я видела, как улыбка на лице Милли слегка померкла от недопонимания. Но раскрывать карты я пока не готова. Особенно когда сама ещё не до конца поняла, что это за игра. И есть ли в ней вообще второй игрок».

В ответ она лишь резко выдохнула, разочарованно откинув голову назад.

— Ну ты даёшь! Я уж подумала, что тебе наконец-то кто-то понравился! — Она фыркнула и засмеялась, но в смехе слы-

шалась лёгкая обида, и она ткнула меня локтем в бок.

А я только улыбнулась, наконец делая шаг на проезжую часть.

– Пойдём, мы уже опаздываем.

Смеясь и болтая без умолку, мы добрались до места. Видимо, немного опоздали – с нами такое вечно, ведь нам всегда есть что обсудить, от странной причёски прохожего до глобальных вопросов вселенского масштаба.

– Ого, как тут красиво... – замерла на пороге Милли, глядя на освещённый особняк.

– Да... это точно, – тихо согласилась я, оглядывая высокие окна, утопающие в свете, и аккуратно подстриженные кусты вдоль дорожки.

Мы вошли чуть позже, когда вечеринка была в самом разгаре – народ повсюду танцевал под оглушительные популярные хиты. Милли тут же заметила Хэнка в окружении друзей.

– Всё, я иду, подойду поздороваться, – решительно заявила она, поправляя прядь волос.

– Молодец, давай, иди хватай быка за рога, – подбодрила я её.

Она хихикнула, пробормотала что-то про «чудные словечки», которые она от меня постоянно слышит, и уверенно зашагала покорять свой Эверест.

Эх, бабуля... Это всё твои гены. И слова эти я запомнила от тебя, – с теплотой подумала я, улыбаясь воспоминаниям, и направилась к столу с напитками.

Алкоголь я не любила — его горький привкус и размытый мир после него всегда казались мне поддельными. Но сейчас что-то внутри дрогнуло. Напряжённые струны в душе требовали расслабления, хоть малейшего. Я выбрала пунш в надежде, что он не слишком крепкий, сделав робкий глоток. На языке расцвела сладость с лёгким цитрусовым оттенком — обманчиво мягкий и безопасный, как детский лимонад. То, что нужно.

Пока стояла рядом со столом, успела осмотреться. Первый этаж выглядел как кадр из голливудской подростковой комедии — тот самый, где дом родителей превращается в сияющий остров свободы посреди тихой улицы. Всюду мелькали красные пластиковые стаканчики, на столах громоздились целые горы чипсов и печенья. Народ смеялся, танцевал, размахивал руками, поглощённый ритмом и друг другом. Воздух гудел от музыки и голосов, а сладковатый, чуть приторный запах коктейлей висел тяжёлым одеялом, от которого у неподготовленного человека могло закружиться голова. И я, как выяснилось, была человеком неподготовленным.

Я не привыкла ходить по вечеринкам — вот и сама себе удивляюсь, как я тут оказалась. Моя обычная жизнь — это маршрут «дом-работа-колледж», где главные события — это найденная в кармане забытая шоколадка и удачно сданный вовремя доклад. Редко выбираюсь из этой колеи, времени нет: работа и учёба забирают всё, включая способность от-

личать день от ночи. Но сегодня – сегодня я твёрдо планировала отдохнуть. Хотя, глядя на это буйство красок и звуков, начинаю подозревать, что мой идеал отдыха – это, возможно, просто три часа тишины и хорошая книга. Но что поделать – раз уж пришла, надо осваивать новые горизонты.

Я не могу ничего с собой поделать. Мой взгляд, будто предатель, снова и снова метается в толпу, выискивая один-единственный силуэт. Я сканирую лица, просеиваю их сквозь шум и движение, жадно ловя малейший знакомый жест, поворот головы, смех — его смех. Каждая незнакомая улыбка была лишь разочарованием, каждая спина — не та. Но его нигде не было. Он не прятался в клубах сигаретного дыма у балкона, не смеялся у стойки, не танцевал в центре зала. Пустота, которую я обнаружила вместо него, ударила под дых — тупо и болезненно. Сердце сжалось, как смятый в кулаке лист бумаги. Неужели он не пришёл? Неужели всё это — это платье, эта собранная в кулак смелость, эта тихая, безумная надежда — всё зря?

Чтобы заглушить эту глупую, ребяческую боль, я одним движением допила свой пунш. Сладость внезапно показалась приторной и пустой. Поставила стакан на стол с глухим стуком и, не думая больше ни о чём, шагнула в пульсирующий центр танцпола. Надо было проветрить голову. Смыть с себя это липкое разочарование. Пусть музыка выбьет из памяти его образ, пусть ритм перебьёт стук собственного сердца в ушах.

Я закрыла глаза, отдав тело на волю басов, пытаюсь раствориться в этом море тел и звуков. «Танцуй для себя, — твердила я внутренним голосом. — Только для себя». Но где-то в самой глубине, под всеми этими приказами, всё ещё теплился настырный, глупый лучик: «А вдруг он вот-вот войдёт в эту дверь?».

После нескольких песен я ужасно вспотела. Здесь много народу, в помещении душно и жарко. Для начала нужно найти уборную, освежиться.

— Милли! — кричу я ей прямо в ухо, чтобы перекрыть музыку. — Ты не знаешь, где здесь туалет?

— Там! — она показывает пальцем на широкую лестницу, ведущую на второй этаж.

Кивнув в ответ, я пробралась к лестнице и подняла взгляд. И увидела. Он был там. Наверху. Стоял, прислонившись к перилам, расслабленный и невероятно... настоящий. И его взгляд, казалось, был направлен прямо на меня. Сердце сделало в груди что-то безумное — то ли кувыркнулось, то ли замерло в падении. Он заметил? Неужели?

Уголки моих губ сами собой дрогнули, готовые сложиться в ответную, робкую улыбку. И тут я увидела.

Сбоку к нему мягко, как тень, прильнула девушка. Длинные волосы, уверенная улыбка. Она что-то шепнула ему на ухо, её пальцы легкой, владеющей ладонью скользнули по его плечу. Потом она взяла его за локоть — жест нежный, но не допускающий возражений — и увела его в тёмный коридор.

Моя ещё не родившаяся улыбка застыла и рассыпалась. Всё стало ясно. Он улыбался не мне. Он смотрел на неё, которая шла по лестнице прямо передо мной. Глупая, острая обида кольнула под рёбра. Ну, конечно. Куда уж мне, простенькой, тягаться с такой... со всей этой её уверенностью и красотой, которую она носила так открыто.

Поднимаюсь на второй этаж. План был простой: найти туалет. Но теперь меня не отпускает навязчивая мысль: *Куда она его увела? И зачем? И чем они там будут заниматься?* Я медленно иду по коридору, будто невзначай разглядывая двери, но взгляд так и тянется в сторону, куда они скрылись.

Ну, у тебя вопросы, Фай... Понятное дело – куда. Ну, то есть... зачем, – внутренний голос звучал ехидно и устало. – Вот дожила, уже сама с собой спорю.

Пока этот спор разгорался, я наконец нашла туалет – дверь в конце коридора была приоткрыта, а внутри было темно. Значит, свободен. Берусь за ручку, наощупь ищу выключатель внутри – и как только зажигается свет, слышу визг. Резкий и громкий. Или даже два, слившихся в один звук.

– Аaaa! – Аaaa!

Да, точно. Один мой, второй – явно чужой.

Первое, что я успеваю разглядеть, – девушку. Она сидит на коленях, и я, видимо, только что наступила ей на руку.

– Ай! Осторожней!

– Прости! Я же не специально...

В мозгу щёлкает. Девушка просто так в чужом доме на

коленях в туалете сидеть не будет. И унитаз, если присмотреться, в другой стороне. Если ей вдруг стало плохо... Ну не на голый же пол она тут делов наделала...

И тут до меня медленно, но верно доходит. Я застываю, понимая, что пялюсь на эту девушку, и лишь потом поднимаю взгляд чуть выше. Передо мной, прислонившись к стене, стоит тот, кого искала весь вечер. *«Вот и нашла»*, – проносится в голове ледяной, невесёлой мыслью. Он, пользуясь моим минутным ступором, уже ловко застёгивает ширинку. Звук щелчка в тишине кажется оглушительным.

Вот я стою ошарашенная, вся реальность сузилась до этой душевной комнатки. А он – смотрит прямо на меня. Наглая, самодовольная ухмылка тронула его губы. Я заставляю себя поднять взгляд выше пояса, игнорируя безупречный рельеф его торса, обтянутого приталенной футболкой, и его лицо, которое для меня, увы, оставалось чертовски прекрасным даже сейчас. Первое, что хочется сделать, – выбежать, захлопнуть дверь и извиняться до конца вечеринки. Уткнуться глазами в пол за то, что помешала. Но тело не слушается, а из горла вырывается то, о чём я даже подумать не успела:

– Ой, простите, я, кажется, на репетицию спектакля попала. Дверь закрывать не учили? Или у вас тут сеанс демонстрации достижений народного хозяйства на всеобщее обозрение?»

Голос прозвучал неожиданно звонко и ядовито, с налётом театрального сарказма, который я сама от себя не ожидала.

— Что же вы так скромничаете, — продолжила я, делая шаг вперёд, будто разглядывая неловкую сцену. — Или это был перформанс специально для меня? Откуда же вам было знать, что я приду полюбоваться... архитектурными особенностями этой комнаты?

Девушка медленно поднялась с колен, отряхивая ладонью кружевную оборку на платье. Она смотрела на меня так, будто это я только что стояла в туалете на полу и пыталась оказать VIP-услугу этому местному плеёбою. А он... он не стал ничего говорить. Уголок его губ дрогнул, а затем по лицу пробежала сдержанная, но от этого ещё более заметная улыбка. Он прикусил губу, явно пытаясь подавить смешок, и его взгляд — тёплый, заинтригованный, полный немого вопроса — не отрывался от меня ни на секунду. Казалось, он сейчас не на столько смущён, насколько откровенно развлекаён.

И вот, пока этот самый «образец мужской красоты» даже рта не успел раскрыть, я уже выпалила с наигранной деловитостью:

— Так, что, перерыв в представлении? Туалет свободен или как? Ну может, соберёмся все трое, обсудим погоду и закинем пару монет в унитаз на удачу?

Девушка фыркнула, бросив в мой адрес взгляд, который ясно говорил: «Бедная, необразованная плебейка». И с достоинством вышла, пронесаясь мимо с головой, задранной так высоко, что, кажется, задела потолок. Адам же, не сдви-

нувшись с места, медленно, как сканер в супермаркете, провёл по мне оценивающим взглядом с ног до головы. В его глазах промелькнуло не раздражение, а скорее... заинтересованность. Будто внезапно понял, что главное шоу вечера началось не на танцполе, а прямо здесь, в тесной комнатке с протекающим краном.

Я улыбнулась, подойдя к зеркалу и будто случайно поправляя прядь волос. Во-первых, я не дала той... девушке закончить. И, надеюсь, даже начать то, что она задумала. А во-вторых – он же от меня глаз оторвать не может. Но он, кажется, понял мою улыбку совершенно иначе.

– Ой. – Он прищурился, и в его взгляде мелькнула смесь иронии и чего-то ещё, более тёплого. – А ты с таким видом... – его голос прозвучал низко и нарочито медленно. – Неужели разочарована, что прервали представление? Или может, ты бы сама хотела оказаться на её месте?

– Ой, а как ты догадался? – парировала я с наигранной беззаботностью. – Это, между прочим, моя заветная мечта. Первый пункт в списке «исполнить до конца года» – застукать местного короля вечеринок в компрометирующей обстановке. Исполнилось!

Адам медленно выпрямился, оторвавшись от стены. В его глазах вспыхнула искра неподдельного веселья, смешанная с любопытством.

– А это, – произнёс он, делая лёгкий паузу для драматизма, – было бесплатное пробное занятие. Для ознакомления.

Если интересно продолжить обучение... – он сделал едва заметный жест в сторону пустого теперь пространства рядом с собой, – программа будет значительно... углублённее.

– Ой, уже бегу, волосы завязываю, – парировала я с натянутой беззаботностью. – Я, кстати, не специально вам тут... кхм... помешала. Просто дверь закрывать нужно. Это базовое правило. – добавила я уже слащаво-вежливым тоном, поворачиваясь к нему с самой невинной улыбкой, стараясь не обращать внимания на то, как он пахнет – не просто приятно, а одурманивающе, смесь свежести, мяты и чего-то глубокого, древесного. Этот аромат витал в воздухе, как немой, но очень убедительный аргумент против моей показной лёгкости.

– Да мне, в принципе, особо стесняться-то и нечего, – усмехнулся он, делая шаг ближе, и его запах стал гуще, почти осязаемым. Тон его голоса был одновременно и шутливым, и до странности серьёзным. – Особенно если учесть, что ты стоишь здесь и... смотришь на меня. Так уверенно. А уверенна ли ты, что если я сейчас сделаю ещё шаг, твои коленки не подкосятся, как у той, что только что убежала?

– О боже, – я притворно округлила глаза, глядя на него с недоумением, хотя внутри всё ёкнуло от его внезапной прямоты. – На такие... «подкаты» ещё кто-то ведётся?

– Судя по всему, да, – хмыкнул Адам с лёгкой, почти философской задумчивостью. – Вот, например, наша недавняя собеседница... – Он кивнул в сторону двери. – А ты, по-ви-

димому, из другого теста сделана. Не ведёшься. – Заключил он, и его взгляд стал изучающим, будто он рассматривал редкий экспонат. – Тебе, наверное, часто твердят, что ты красивая.

– Да, бывает, говорят, – улыбнулась я, ловя его взгляд и вдыхая его сбивающий с толку запах. – Но не так часто, как ты думаешь.

Про себя же подумала, глядя в его глаза: Какие же они красивые... Я бы с лёгкостью в них утонула.

– Ну, тогда они просто тупые, – заявил он с такой просто-душной, почти научной уверенностью, что это прозвучало как непреложная истина. – Всё остальное — не вариант. Либо тупые, либо слепые. Другого объяснения нет.

И будто специально, чтобы подчеркнуть свою «правоту», он сделал шаг ближе. Ещё один. Теперь между нами оставалось так мало места, что я почувствовала исходящее от него тепло. Я прижала ладони к его груди, чтобы создать хоть какую-то дистанцию. Под пальцами я ощутила твёрдую мужскую грудь – будто прикоснулась к высеченному из камня щиту, который никак не сочетался с его показной, псевдоромантической игрой. И тепло. Боже, какой он тёплый, – пронеслось в голове, пока моё собственное сердце, казалось, решило вырваться из груди и перепрыгнуть к нему.

Но сказала я совсем другое, заставляя голос звучать ровно и даже слегка насмешливо:

– Теория интересная. Но практика, как я вижу, у тебя сво-

дится к нарушению личного пространства. Это следующий пункт в твоём учебнике очарования? – Я перевела дух, пытаясь собрать рассыпающиеся мысли в стройный, язвительный ряд. – Просто выйди отсюда, пожалуйста. – Выдохнув, продолжила, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя этот чертов запах сводил с ума и путал все карты. – А то подумают, что мы тут с тобой... Ну, знаешь, не болтаем о погоде, в общем.

Он хмыкнул в ответ, низкий и довольный звук. Потом медленно обошёл меня — так близко, что рукав его футболки едва коснулся моего плеча, а волна его тепла и этого дурманящего аромата накрыла с головой.

– Жаль, – произнёс он уже у самой двери, обернувшись. Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по моему лицу, на мгновение задержавшись на губах. – А поговорить было бы интересно. Особенно с такой строптивой. И такой... красивой. Это не лесть, это констатация факта.

Он усмехнулся одним уголком рта — вызывающе, небрежно — и вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Не захлопнул. Именно прикрыл, оставив щель, будто приглашение или намёк.

Я сделала шаг, щёлкнула замком. Звук был неожиданно громким в тишине. «Вот и всё шоу, – мысленно подвела черту, прислонившись лбом к прохладной поверхности двери. Сердце всё ещё глухо колотилось о рёбра. – Финал: незначкомка 1:0 Местный Принц на Полу. Но почему-то не чув-

ствуется, как победа».

За дверью стихли его шаги, но то наэлектризованное молчание, что он оставил после себя, висело в воздухе комнаты, густое и звонкое, как обещание.

Какой же он наглый... но, чёрт возьми, какой невыносимо красивый. Стоял, будто сошёл с обложки журнала «Как правильно раздражать и сводить с ума одновременно». И во всей этой напускной наглости, в этой броне из дерзких ухмылок и вызывающих взглядов – столько отчаянной защищённости, что мне аж самой смешно стало. Мне-то эта мелодия очень знакома: играй крутого, пока никто не догадался, что внутри – сплошные вопросы без ответов.

Конечно, зачем ему такая, как я? Вокруг – целый сад красивых, ухоженных цветов, готовых расцвести по первому его взгляду. Удобные, предсказуемые, без острых углов и язвительных замечаний насчёт закрытой двери в туалет. Во мне нет их искусственной сладости, накаченных губ и томных вздохов. Зато есть кое-что другое – моя собственная, неподдельная дерзость. Та, что не даёт промолчать, когда внутри всё кричит. Та, что заставила меня не опустить глаза, как приличной девочке, а парировать его наглую ухмылку так, будто у нас тут дуэль на сарказме, а не неловкая встреча в сортире.

Я не из тех, кого можно завлечь в тёмный угол на пять минут под шум фанфар и пошлые шуточки. Я хочу больше. Я хочу искры, от которой воздух трещит, а не тлеющей

окурённости после дешёвого флирта. Вызова, а не покорного кивания. И если он этого не видит сквозь свою корону местного красавчика – значит, это не моя судьба. А я – его потеря, между прочим. В его коллекции девиц не хватает именно такого экземпляра – с характером и без боязни сказать, что император-то голый. Вернее, дверь-то открыта.

Пора домой. Свежий воздух наверняка прочистит голову от этого дурманящего запаха его наглости и... чего-то там ещё, о чём лучше не вспоминать.

Милли и остальные решили остаться, а я, попрощавшись, пошла не спеша домой. Район тихий, до дома недалеко, да и в сумке лежит баллончик – на всякий, крайний случай. Пока шагала, несколько раз просигналили машины – выпившие парни что-то кричали в окна, но, к счастью, не остановились. Пьяные всегда пугали меня. Алкоголь – он как огонь: в меру греет, а перебор – сжигает всё дотла. Я знаю. Мама до сих пор не выбралась из того пожара, что начался три года назад, после смерти папы. Эх, не хотела я сегодня думать о плохом...

Но вместо того чтобы грустить, я снова поймала себя на мысли о нём – об этой дерзкой ухмылке Адама, его пронзительном взгляде, том странном, немом диалоге в ванной. Весь вечер я ощущала на себе чей-то тяжёлый, неотрывный взгляд. Каждый раз, резко оборачиваясь, я никого не находила – только смеющиеся лица, танцующие силуэты и пустые проёмы дверей.

В целом вечер удался: мы с Милли оторвались по полной, танцевали, пока ноги не горели, смеялись до слёз. Но этот эпизод в туалете... Он будто оставил после себя горький осадок, поставив жирный и нелепый крест на чём-то, что едва успело зародиться. А ведь он мне нравился – с первой же случайной встречи в колледже. И моя интуиция, которая редко

меня подводит, настойчиво шептала: под всей этой грубой бравадой скрывается кто-то настоящий. Неужели в этот раз она дала сбой?

Погружённая в мысли, я даже не заметила, как к тротуару бесшумно подъехала машина и встала вровень со мной. Я остановилась, жестом показав, чтобы проезжали, но огромный чёрный джип не сдвинулся с места. Внутри всё похолодело. Сейчас выскочат, схватят – и всё, конец. Так глупо и так нелепо...

Я ускорила шаг. Машина медленно поползла следом. Остановилась, когда остановилась я. Сердце заколотилось, но вместе со страхом прорвалась и злость. Резко выдернув из сумки телефон, я набрала 911, держа палец над кнопкой вызова.

– Если сделаешь хоть одно резкое движение – полиция будет здесь через пять минут! – бросила я в сторону тонированных стёкол, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Водительское стекло медленно опустилось. Я плохо различала лицо в темноте, но тот, кто сидел за рулём, откровенно смеялся – громко, искренне, как будто я только что рассказала лучший анекдот в его жизни. Я застыла в недоумении. Дверь распахнулась, и на асфальт легко спрыгнул он.

– Адам?! Боже, что за дурацкие шутки! Ты мог бы просто окликнуть!

– О-о, значит, ты знаешь, как меня зовут? – произнёс он, и улыбка не сходила с его лица. – Извини, если напугал. Я

не хотел.

– Ну, как же тебя не знать, – выдохнула я, невольно отвечая улыбкой. Флиртовать, в конце концов, не запрещено.

– Садись, подброшу. Ночью уже реально прохладно, ты же продрогла. И да, прости ещё раз.

– С чего вдруг такая забота, красавчик? – парировала я, уверенно глядя ему в глаза, хотя и правда уже замерзла.

Я отвернулась, смотря на хмурое небо. В нашем городе прогноз погоды – это не план, а лотерея. Сегодня можешь выйти в майке и шортах, а завтра на тебя с неба обрушится всё: от ледяного дождя до града размером с перепелиное яйцо. Погода здесь живёт по принципу «сюрприз, дорогая!».

– Это, кстати, не забота. Просто мне нужно домой. И я увидел тебя. — Он помолчал, будто давая словам просочиться в ночной воздух. По ночам не стоит так рисковать. В нашем городе, знаешь ли, иногда исчезают... привлекательные одинокие девушки. Особенно такие заметные, – он игриво приподнял бровь, и в его улыбке скользнула опасная искра. – Или ты специально ищешь приключений? Хочешь, чтобы тебя кто-то... прибрал к рукам?

– Нет, о таком я не слышала... А может, ты это сам придумал, чтобы самому меня выкрасть? – не удержалась я от ответной колкости. – Тогда, конечно, спасибо за предложение. Я бы не хотела, чтобы меня кто-то украл.

Хотя если бы это был ты, я бы даже звука не издала...
– промелькнула в голове дерзкая, почти сладкая мысль.

Адам облокотился на капот и рассмеялся снова – открыто, заразительно. Я не смогла сдержать улыбку.

– То есть ты не хочешь, чтобы тебя украли, но если бы это был я – то ты не против? – перевернул он мои слова, еле сдерживая смех. Боже, он что, читает мысли? Или я их неправильно выразила. Блин.

– Ну что, подвезти или как? – он выдернул меня из этого омута.

– Ты же наверняка пил сегодня. Тебе нельзя за руль, – напомнила я, стараясь звучать твёрдо.

– Не пил, – парировал он, и на его губах расплылась та самая, чуть виноватая, но очень довольная улыбка. Он даже приподнял указательный палец, будто родитель, мягко журящий ребёнка. – Видимо, плохо ты за мной следила, сладкая.

– Я за тобой не следила! – выпалила я слишком громко и резко, будто меня поймали на чём-то, и тут же опустила глаза. Хотя кому я вру? Конечно, следила бы. Только весь вечер его не было. Ну, кроме той встречи в туалете... Не самый романтичный сюжет для начала.

– Ладно, садись. Я уже замёрз, – сказал он, открывая передо мной пассажирскую дверь. Тёплый воздух из салона, пахнувший его одеколоном и чистотой, потянулся на улицу.

– Хорошо, останови через три квартала, – скомандовала я, устраиваясь на сиденье, но он не завёл мотор сразу.

Его взгляд мягко скользнул по моим оголённым плечам, и голос прозвучал тише, чем обычно:

– Ты замерзла?

– Всё хорошо, – ответила я, но всё равно потянулась к регулятору печки, чтобы немного добавить тепла.

В тот же миг его рука двинулась туда же. Наши пальцы коснулись – его тёплые и мои холодные от вечернего воздуха. Мы оба вздрогнули и подняли глаза друг на друга. В его взгляде мелькнуло дерзкое любопытство, смешанное с неподдельным удивлением от этой случайности. Я первая отвела руку, но он уже довёл дело до конца, повернув регулятор. И при этом его мизинец, будто совершенно случайно, скользнул по моей голой коленке. От этого мимолётного, едва ощутимого касания по ногам пробежали мурашки, а внутри всё ёкнуло.

Боже, как здесь тепло! Мурашки снова пробежали по коже, будто устроили сегодня свой личный марафон. То ли от резкого контраста с уличным холодом, то ли от того, что рядом сидит тот самый человек, о котором невольно думала весь вечер, и чьё мизинцевое «приветствие» на коленке только что дало старт этой гонке. Скорее всего, и то, и другое – какие все-таки у меня командные игроки, эти мурашки.

– Ты всё-таки решила испытать судьбу, милая? – спросил он, заводя двигатель.

Милая. Ах, вот оно как. Думала, только я умею обескураживать людей внезапными фразами. Нечестно играть моим же оружием.

– Да ну тебя, красавчик, просто на той улице мой дом. –

Отмахнулась я, стараясь звучать непринуждённо, но он лишь усмехнулся в ответ. Его взгляд, скользнувший по мне, был слишком осведомлённым, будто он видел каждый мой спрятанный нерв.

Ехать было недолго, поэтому я уткнулась носом в прохладное стекло, пытаясь скрыть навернувшийся румянец. Адам, кажется, краснеть не собирался – более того, я чувствовала его взгляд на себе так явно, что шея буквально горела. Это был не рассеянный взгляд – он был тяжёлым, намеренным, скользящим от щеки к линии губ, затем медленно опускающимся к ключицам. Но я тоже не пальцем деланная – краем глаза заметила, как он на меня смотрит, и не удержалась от лёгкой, едва заметной улыбки, которую тут же спрятала.

– Чего ты на меня так уставился? – не выдержав, проговорила, всё ещё глядя в окно. – На дорогу смотри давай.

– Просто, кхм, довольно... короткое платье для вечерней прогулки. – Произнёс Адам, и на этот раз я не выдержала – повернула голову. Он смотрел прямо на меня, не отводя глаз, и в его взгляде танцевали уже знакомые смешинки, но теперь к ним добавилось что-то ещё – откровенное восхищение и та самая опасная искра, что щекотала нервы. Его взгляд намеренно медленно опустился и скользнул по длине моих ног, прежде чем вернуться к лобовому стеклу.

Ну, он прав. Но знать ему об этом совсем не обязательно.

– Не переживай, на такой случай у меня в сумочке есть

кое-что, – сказала я, решив блеснуть готовностью ко всему. Я раскрыла сумочку, чтобы показать свой надёжный баллончик, но, перевернув сумку, не заметила, как из кармашка выскользнула и, описав дугу, аккуратно упала в подстаканник между нами... упаковка презервативов.

– Ого! – Адам фыркнул, и его смех заполнил салон. – Вот это я понимаю – подготовилась серьёзно. Защита, что надо, без вопросов!

– Чего?! Какая ещё... – Я покраснела так, что, наверное, осветила весь салон румянцем. Они лежали там уже сто лет, видимо, выпали, когда телефон из застёгнутого кармашка доставала!

Я прикрыла лицо ладонью, но не смогла сдержать смешок. Выглянув на него из-за пальцев, я прошипела, и в голосе сквозь смущение пробивалась смешная досада:

– Какой же ты внимательный, Адам... Целое расследование провёл по содержимому моей сумочки. А баллончик-то нашёл?

– Если ты именно этим собралась защищаться. – Он залился смехом, откинувшись на спинку, но его взгляд не отпускал меня, полный безудержного веселья и какого-то нового, оценивающего интереса. – То, пожалуй, я бы тебя точно похитил. Боевая и предусмотрительная.

– Да нет же, я баллончик хотела показать! – Попыталась я спасти ситуацию, судорожно роясь в сумке, но было поздно. Всё, с меня хватит. – Спасибо, останови вот здесь.

Я выскочила из машины и зашагала к дому, уже поворачиваясь, чтобы крикнуть «спасибо», но он опередил меня, высунувшись из окна. Его улыбка в свете фонаря была ослепительной и наглой.

– Эй, а добро своё забрать не хочешь? – крикнул он следом и потряс в воздухе той самой злополучной упаковкой. – Как тебя, кстати, зовут, защитница? – И снова рассмеялся.

– Нет, оставь себе! – отмахнулась я, чувствуя, как снова закипаю от смеси стыда и смеха. – Неважно, как меня зовут. Спасибо, что подвёз, красавчик! И пока!

Я помахала ему рукой, не оборачиваясь, и почти побежала к своему дому, оставляя позади его хохот и ощущение, что этот вечер запомнится мне надолго. Услышала, как машина тронулась, но не обернулась. Шла с улыбкой, почти летела, пока не открыла дверь. И тут улыбка сползла с лица, словно её и не было.

Дверь оказалась не заперта. В прихожей валялись пустые бутылки, а с дивана доносилось сонное бормотание.

– Привет, моя обыденная жизнь, – тихо сказала я пустому коридору.

Глава 2

Настоящее время

Фай

«Что поделать – адреналин завёл мой мотор. Теперь я совершаю одну глупость за другой и, что самое идиотское, получаю от этого дикое удовольствие.»

Мы бежали как ужаленные, но далеко не ушли – остановились под глубокой аркой, чтобы отдышаться и скрыться от посторонних глаз. Воздух был горячим и пах сыростью и старым камнем. Сердце колотилось где-то в горле, но что-то в этой дикой, стрессовой ситуации заставило меня подумать, что он, несмотря на всё, сейчас выглядит... довольно милым. Растрёпанный, запыхавшийся, с тенью лёгкой паники в глазах – совсем не тот самоуверенный засранец из колледжа. А в его последующем вопросе сквозила такая неподдельная, дурацкая растерянность, что я едва не рассмеялась.

Только сейчас Адам посмотрел на наши всё ещё сплетённые пальцы и резко отдернул руку, будто обжёгся. Я свою размяла и встряхнула – у него хватка, как тисками.

– Подожди-ка... – он тяжело дышал, прислонившись к стене и внимательно вглядываясь в моё лицо. – А мы знакомы? И с какой стати ты не только помогла мне смыться, но ещё и любезно предупредила, что меня заметили?

– Со стати, что хлеб в магазине до десяти, милый. – От-

резала я, стараясь выровнять дыхание, но в уголках губ уже играла улыбка от его растерянного тона.

– Ох... Нет, серьёзно. – Адам провёл рукой по лицу, и на секунду мне показалось, что он пытается встряхнуть мозги. – Я сейчас вообще ничего не понимаю.

– Ладно, нам нужно идти. Думаю, полиция уже ищет тебя. И, кажется, теперь и меня тоже.

Я вышла из тени арки. Глоток прохладного воздуха был как бальзам после того затхлого пространства.

– Эй, постой, – Адам догнал меня за два шага, и в его голосе теперь звучала не только растерянность, но и какая-то азартная искорка. – Хотя бы имя скажи. Цветы пришлю потом, всё такое...

– Пошли, нужно идти. – Я снова схватила его за руку и уверенно потянула за собой через дорогу. – Фая... то есть Фай. Меня зовут Фай. – Пусть хоть имя знает. Сейчас не до тайн – нужно как можно скорее свалить отсюда.

– Красивое имя, Фай. Необычное. – Произнёс он, уже идя рядом, и в его тоне сквозь остатки паники пробила привычная лёгкая усмешка. – Как раз для девушки, которая спасает незнакомцев и торопится за хлебом. Ладно, запомнил. Теперь ты мне должна объяснение. И, пожалуй, булку. Самую лучшую.

– В такой ситуации в тебе романтик просыпается? Ну ты и милашка. – Фыркнула я, глядя, как он неловко пытается отдышаться, будто эта погоня была не адреналиновым кош-

маром, а... сбывшейся мечтой. И в его растерянном взгляде читалось что-то, отдалённо напоминающее «наконец-то мы одни, и нас преследуют, и мы так близко... как я и представлял».

– Да ладно, я просто...

– Тш-ш-ш, – я резко подняла палец и прижала его к его губам, заставив замолчать.

– Что т...

– Тише, – прошептала я, не отводя взгляда от арки, сердце колотилось как сумасшедшее. – Сказала же – тише.

Были слышны громкие голоса и нарастающий вой сирены. Бежать было некуда – мы оказались на открытой площади, в самом центре города, залитые беспощадным светом уличных фонарей, как на сцене.

– Полиция рядом. – Едва шевеля губами, прошептала я.

– Слышу. – Так же тихо отозвался Адам, и его тело напряглось, плечо почти касалось моего.

В этот момент из той самой арки, где мы только что прятались, вышли двое полицейских. Мы с Адамом стояли прямо под фонарём, у стены противоположного здания, – как на выставке самых разыскиваемых. Их взгляды, будто лучи прожектора, метнулись в нашу сторону. Нас видят. Нет, уже точно видят. Мысли пронеслись вихрем.

Тюрьма в мои планы на ближайшие лет десять, да и вообще в принципе, точно не входила – как-то не сходится с моей мечтой о дипломе и тихой жизни с котом. Действовать

нужно было немедленно.

Адам, кажется, замер, и я почувствовала, как его дыхание стало прерывистым – но не только от страха. Было в нём странное, почти азартное ожидание, будто он и правда ждал этого момента, когда весь мир сузится до нас двоих и пары полицейских, преследующих нас в ночи. Как будто в его голове это был не криминал, а самый захватывающий сценарий для первого свидания.

Я медленно подняла руку и прикоснулась к его щеке – к этой слегка колючей, напряжённой коже. Взгляд полицейских на спине буквально прожигал кожу.

– Эй... ты что задумала? – его шёпот прозвучал сдавленно, но в глазах читалась не паника, а вспыхнувшее любопытство.

– А то, что если мы сейчас рванём с места, – прошептала я в ответ так быстро, как только могла, – мы будем первыми, на кого все укажут пальцем. «Ага, – это они вдвоём всё и спланировали! Тайный сговор! Он – боевая единица, она – мозговой центр! И, конечно, вдвоём избили того парня... для разминки перед свиданием». Блестящий план, не находишь? Так что, будь добр, подыграй, гений.

Адам замер в лёгком недоумении, его мозг явно с трудом переваривал логическую цепочку. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но ответа так и не произнёс – слова застряли где-то между шоком и неожиданным уважением к такой изощрённой аргументации. Он лишь молча уставился на ме-

ня, будто пытаюсь понять, с кем он сейчас имеет дело: с сумасшедшим гением или просто с сумасшедшей. В итоге он просто медленно кивнул, капитулируя перед безупречной, хоть и абсурдной, логикой.

– Так, красавчик... а теперь целуй меня. – Так же тихо, но уже настойчиво прошептала я, пытаюсь сосредоточиться, а не на том, как хорошо его тело чувствуется рядом.

Он замер. Затем медленно, будто не веря своим ушам, наклонился чуть ближе, уставившись на меня широко раскрытыми глазами, полными неподдельного, почти детского удивления. Его голова слегка склонилась набок, точно он пытался расслышать эхо моих слов.

– Повтори, – наконец выдавил он, и в его голосе явно читалось изумление. – Что сделать?

– У тебя от адреналина мозг отключился, что ли? Целуй, говорю! – почти прошипела я, чувствуя, как драгоценные секунды тают, а моё сердце бьётся в совершенно ином, личном ритме.

Он замер в нерешительности. Времени на уговоры не было. Я встала на цыпочки, обвила рукой его затылок и притянула к себе, прежде чем он успел что-то понять. И в следующее мгновение наши губы встретились. Сначала он застыл, будто ошеломлённый. Но я не отрывалась – мой поцелуй был настойчивым, но нежным, приглашением в игру, где ставка – наша свобода, но где-то глубоко внутри уже вспыхивало что-то большее. И вдруг что-то изменилось. Он ответил – снача-

ла осторожно, потом всё увереннее, его губы стали мягче, но требующими. А через мгновение низкое рычание вырвалось у него из груди прямо мне в губы, и он углубил поцелуй, уже не следуя, а ведя. Его руки обхватили мою талию, прижимая ближе, а мои пальцы впились в его волосы. Это было уже не притворство – это была стремительная, обоюдная капитуляция. Он принял правила. Не моей игры – нашей. И пошёл ва-банк.

Адам целовал так, будто идею вторгнуться в моё личное пространство вынашивал давно – только не решался, а сейчас в этом не было ничего, кроме жгучей необходимости и нахлынувшей, дикой страсти. Я вспыхнула мгновенно, едва его язык коснулся моего. Да, мои мысли о полиции поплыли, растворились в этом взрыве чувств. Я хотела его – чтобы он не останавливался, чтобы этот поцелуй длился вечно. Он подхватил меня под бёдра, и я не смогла сдержать низкий, сдавленный стон прямо ему в губы, не отпуская их. Прижав меня к холодной стене, он дал мне возможность обвить его талию ногами, а мои руки жадно скользили по его спине, ощущая каждый напряжённый мускул под тканью его толстовки.

Он тоже не мог остановить это безумие, разгоравшееся между нами. Оставив дорожку влажных, горячих поцелуев, он перешёл к моей шее, и я уже не сдерживала тихих, прерывистых стонов, забыв обо всём на свете.

– Да смотри, вот эти двое. – Донёсся откуда-то голос, буд-

то из другой вселенной.

– Эй, ребята! – крикнул кто-то, но звук долетел сквозь толщу воды, в которой мы оба тонули.

Я полностью расплавилась под его прикосновениями, а его руки смело и жадно исследовали моё тело, сжимая самые аппетитные изгибы. Он сам уже не мог сдерживать низкое, животное рычание, вырывавшееся у него из груди от желания.

– Эй, ребята... Да ну, Вилл, мне кажется, они вообще ничего не видят и не слышат. – Раздался сдавленный смешок. – Ты посмотри – они друг друга, кажется, готовы прямо здесь и сейчас съесть с потрохами и без приправ. Хоть стая саранчи пролетит – им только в плюс будет, одежду-то всю сожрёт, освободит руки для более важных дел. – Усмехнулся один из полицейских, и в его голосе слышалось скорее удивлённое восхищение, чем служебный рвение.

– Ты уверен? Может, всё-таки подойдём, допросим? – прозвучал неуверенный голос напарника.

– Допросишь ты их! Не будем молодёжь отвлекать. Эй, парень, только не съешь её совсем, а то и за это сажают, между прочим! – Второй расхохотался. – Поехали в участок, от греха подальше.

Но Адаму было не до них. Да и мне – тоже. Я чувствовала, что ему стало мало этой пустой улицы, звёзд над головой и даже меня – ему было мало меня. Он хотел больше. И ещё. И снова. Я сама жаждала, чтобы он не останавливался, не вы-

пускал меня из своих сильных рук и целовал так – всегда. Он жаждал продолжения, и я тоже хотела, чтобы он не останавливался в своих исследованиях, даже если мы оба понимали, что полицейские ещё могут вернуться с попкорном.

Адам внезапно остановился. Под светом фонаря, падавшим ему на лицо, я увидела, как его глаза заволокла тень – густая, непроницаемая, полная того, что не говорилось вслух. Хриплым, насквозь пропитанным желанием голосом он прошептал прямо мне в губы, пока его дыхание жгло кожу:

– Мне безумно понравилось. Хочу тебя. И прямо сейчас.

Так... а что, если от его хриплого, низкого голоса у меня ёкнуло где-то глубоко внутри, и я едва не сорвалась с места, чтобы снять с себя трусики? Это мы уже слишком осуждаем или в принципе... нормально для ситуации «только что сбежали от копов»?

Наконец в моей голове закрутились шестерёнки: что теперь делать? Он слишком горячий, чтобы просто отпустить. Придётся брать ответственность.

– Так, пошли. – Выдохнула я, пытаюсь звучать решительно.

– Куда? – Он хитро ухмыльнулся, и в его взгляде читалась уже готовая, слишком самоуверенная разгадка.

– Ко мне.

Его глаза мгновенно вспыхнули – это была не просто ухмылка, а самая настоящая, живая радость. Казалось, в них

пронеслось: «Наконец-то!».

– Прекрасная идея, Фай, – его голос прозвучал низко и без тени сомнения, как будто он лишь подтверждал очевидную истину. – Я её полностью поддерживаю.

И прежде чем я успела осмыслить его слова или выразить протест, его руки крепко обхватили мою талию, а губы нашли мои. Это был не вопрос, не робкое исследование. Это было утверждение. Жадно, уверенно, будто этот поцелуй был не началом чего-то нового, а самым естественным, базовым решением в мире. Единственным логичным продолжением этого вечера, этой безумной игры взглядов и слов. Воздух перестал существовать, шум ночного города отступил, превратившись в глухой гул где-то за пределами реальности. Всё мое тело отозвалось на эту дерзкую уверенность дрожью, против которой не было никакой защиты.

Когда он наконец отпустил мои губы, его лоб остался прижат к моему. Дыхание было неровным, обжигающе тёплым.

– Так будет продолжение? – спросил он, и его улыбка была уже не просто ухмылкой, а чем-то глубоким, тёмным и невероятно притягательным.

– Полиция ушла... А это... это был отвлекающий манёвр. – Неуверенно добавила я, оправдываясь больше перед самой собой, потому что манёвр вышел уж слишком... эффективным.

– Хороший манёвр. Я оценил. Правда. – Он кивнул с такой серьёзностью, будто ставил оценку на экзамене.

– А я правда почувствовала, что ты его оценил. Всеми частями тела. – Не удержалась я от колкости.

– Значит, идем к тебе – продолжать начатое, да? – Он снова притянул меня к себе, провёл ладонью от виска к шее, затем опустил ниже, к ключице, и остановился, едва коснувшись груди. Прикосновение было на удивление тёплым и бережным, полным немого вопроса, что резко контрастировало с его дерзкими словами.

– Нет. Мы идём ко мне... ну, то есть да, но не за продолжением. – Выдавила я, пытаюсь вернуть себе контроль над ситуацией, который уплывал вместе с его пальцами по моей коже.

– А для чего тогда мне идти к тебе? Не вижу логики. – Адам отпустил мою талию и сделал шаг назад, и в его глазах промелькнула лёгкая досада.

– У меня есть к тебе несколько вопросов. И одно предложение. – Уже не так уверенно пролепетала я, чувствуя, как вся моя храбрость куда-то испаряется.

– О-о-о... Нет, спасибо. Было круто, и всё такое, но я, пожалуй, домой пойду. – Он махнул рукой, изображая безразличие, но взгляд его всё ещё был прикован ко мне.

– Пошли, обработаю твои ссадины и раны. – Сказала я, указывая на свежий синяк под его глазом и ссадину над бровью. – Куда ты сейчас в таком виде пойдёшь? На тебя, прости, как на участника неудачного каскадёрского трюка посмотрят.

– Твоя правда, – уже без тени улыбки произнёс Адам, его взгляд потускнел, и он покорно опустил голову, смирившись с доводом.

Мы зашли в дом. Тишина – значит, мама спит. Это хорошо.

– Разувайся. – Бросила я, пока сама снимала туфли.

Он замер на пороге, будто услышал нечто несусветное. *Что, не привык обувь в доме снимать? Я что, за каждым мыть должна?*

– Зачем снимать-то? – Спросил он, и в его тоне сквозило лёгкое недоумение.

Я посмотрела на него так, чтобы сомнений не оставалось: это не просьба, а условие. Он, кажется, не ожидал такого, но молча снял кроссовки и аккуратно поставил их на полку.

– Проходи на кухню. – Провела я его, с облегчением отмечая чистоту. Мама, видимо, не успела устроить сегодня свой фирменный «горелый эксперимент с ужином». И на том спасибо. – Садись. Вот, держи стул.

Он послушно сел на кухонный стул, но сразу же скривился и резко втянул воздух. Лицо его на мгновение исказила гримаса боли. Даже не зная причины – свежий ли это синяк, растяжение или что-то ещё, – было ясно: его тело сегодня изрядно потрепано.

– Ну, и что ты хотела узнать? А то я, может, пойду... – Он начал осматриваться, видимо, оценивая пути для быстрого отступления, и взгляд его упал на что-то в темноте под

столом. – Ух ты. – В его голосе снова прозвучала знакомая усмешка, и он наклонился, чтобы достать пустую бутылку дешёвого вина. – Вином балуешься? Романтично. Или это для дезинфекции ран?

Я резко прикрыла дверь, выхватила бутылку из его рук и отправила её в мусорное ведро с глухим стуком. Затем подошла к окну, взобралась на подоконник и сложила ноги друг на друга.

– Да, балуюсь. – Передразнила его, глядя в темноту за стеклом. – Одиночество по вечерам запиваю. Имеешь что-то против? — Адам сложил руки на груди и посмотрел на меня заинтересованным взглядом, но на вопрос не ответил.

– Так. Первое: кто это был? И зачем ты его избил?

– Не ожидал, что так сразу и без прелюдий начнётся допрос. – Он снисходительно усмехнулся. – Но красивым и милым девушкам такое знать незачем.

– Ты думаешь, я не выдержу разговора об этом? – Во мне что-то закипело. Рядом с ним я почему-то теряла контроль над эмоциями.

– Нет. Я думаю, ты не выдержишь смысла всего этого.

– То есть ты не скажешь, за что этот человек получил по лицу? И не только?

– Он получил по заслугам, малыш. Не забивай свою красивую головку. – И снова ухмыльнулся, явно довольный своей «шуточкой».

– Ла-а-адно. – Протянула я, делая вид, что сдаюсь. – То-

гда у меня есть к тебе небольшое предложение. – Я соединила указательный и большой палец, оставив между ними крошечный зазор. Мне было дико неловко это произносить, но другого выхода я будто не видела. Это неправильно, да. Но о последствиях подумаю потом.

Адам посмотрел на меня взглядом, который ясно говорил: «Ну же, давай, удиви меня».

– Видишь ли, Адам, я – единственный свидетель этого... скажем так, небольшого уличного перформанса. И было бы великолепно, если бы мы сошлись на моих условиях. Это же взаимовыгодно. – Заявила я, стараясь сохранять деловой тон, хотя в воздухе между нами уже висело что-то густое и невысказанное – смесь злости, адреналина и... странного напряжения, будто под кожей тихо гудит ток.

– Это ты что, шантажировать меня собралась, симпапуля? – В его глазах мелькнуло неподдельное, почти детское удивление, а потом и что-то ещё – острая, любопытная искра. Кажется, я его не только удивила, но и заинтересовала.

– Не так грубо. Просто выполнишь несколько моих маленьких, скромных условий. Как партнёр по несчастью.

– Ага, уже бегу исполнять! – Теперь в его глазах вспыхнула злость. Но, присмотревшись, я поняла – она была направлена не конкретно на меня. Он злился на всю эту абсурдную ситуацию, на своё положение, на необходимость вот так торговаться. Это был взгляд человека, загнанного в угол обстоятельствами, а не того, кто ненавидел меня лично. Но от это-

го осознания не стало легче – в его ярости всё равно хватало силы, чтобы заставить меня внутренне сжаться.

– Кхм... Так вот. Я предлагаю тебе... побыть моим парнем. Ну, фейковым, конечно. – Уточнила я, словно это было самым естественным предложением на свете. – Чтобы отвадить моего чокнутого бывшего. Он, знаешь ли, с идеей «мы навеки» заиклился.

– И зачем мне это? – Адам откинулся на спинку стула, скрестив руки. Его поза говорила «отстань», но взгляд всё ещё пристально изучал меня, будто ища слабое место.

– Потому что я – единственный свидетель твоего сегодняшнего... творческого всплеска. – Уже не сдерживая сарказма, развела я руки в стороны. – Единственная живая душа, видевшая, как ты превращаешь лицо незнакомца в абстрактную живопись.

– Да не буду я играть в эти дурацкие игры! Не хочу я быть чьим-то картонным парнем, да и настоящим не горю желанием! Мне ПЛЕВАТЬ на всё это! – он выпалил это, и в голосе сквозь злость пробивалась искренняя усталость.

– То есть тебе совершенно всё равно, если я позвоню копам и живописно расскажу, что видела? В красках. Со всеми деталями про твой гневный грим?

– Да, плевать! Хочешь – заявляй! Мне уже терять нечего! – Он резко встал, и стул с грохотом отъехал назад. В его движении была такая грубая сила, что воздух в кухне словно сдвинулся.

– Но я уверена, тот, кого ты так старательно «убеждал», тебя опознает! – Я спрыгнула с подоконника и ткнула в сторону его груди пальцем, сама удивляясь своей наглости.

В его глазах мелькнула быстрая, как вспышка, тень страха, но почти мгновенно её поглотила новая волна ярости. – Чего ты ещё от меня хочешь?! – Он шагнул вперёд, сокращая дистанцию до опасной. – Может, отлизать тебе прямо здесь и сейчас, чтобы ты наконец заткнулась? Хочешь, устроим ещё одно шоу для полиции, только пошлее?

– Ох, милый... – Я на секунду опешила от такой откровенной и грубой прямоты. Это было оскорбительно, возмутительно и... чертовски заводило, сбивая с толку все мысли. Давно меня так молниеносно не выбивало из колеи. – Сейчас, пожалуй, не стоит. Но если ты действительно этого хочешь... мы можем обсудить. – *Господи, что за чушь я несу?* Но он стоял так близко, и от него исходило такое плотное, животное напряжение, что я готова была на любую глупость, лишь бы это странное противостояние не заканчивалось.

– Делай что хочешь, сумасшедшая! – Он фыркнул, но не отошёл. – Только тебя вместе со мной повяжут за пособничество и сокрытие! Думаешь, отмажешься?

– Нет, – парировала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Меня он не видел. Да и вряд ли слышал – ты там очень убедительно «беседовал». А по голосу, милый, меня не найдут. Я, знаешь ли, не кричала комментарии с трибуны.

Он уже взялся за ручку, когда я крикнула: – Стой! Сядь

на стул! – Адам не спешил выполнять просьбу. – Да сядь ты! Ссадины хоть обработаю.

Он медленно, будто через силу, вернулся, отодвинул стул и уселся с таким недовольным лицом, будто его, пятилетнего, лишили мороженого. Этот амбал сел – и я оказалась чуть выше его головы. – Погоди-ка, – фыркнула я. – Ты же сидишь! Или у тебя в штанах спрятан стул повыше? Рост-то у тебя какой – на второй этаж соседям в окна заглядываешь?

– Нет, милая. В штанах у меня совсем не стул. – Он сказал это низким, лениво-наглым тоном, и его губы тронула усмешка. – Хочешь посмотреть?

Я сделала вид, что просто не расслышала эту колкость, и выдохнула.

– Сейчас принесу аптечку.

Когда я вернулась, он сидел, закинув ногу на ногу, и молча прожигал меня взглядом. Я подошла с ваткой и антисептиком, чтобы обработать царапину на переносице. Он раздвинул ноги, давая мне место, и это движение было на удивление покорным.

– Не смотри так. Дыру во мне прожжёшь. – Пробормотала я, сосредоточившись на ссадине.

Он не ответил, лишь его дыхание стало немного глубже и отчётливей, пока я касалась его кожи. Воздух между нами сгустился, пропитанный запахом антисептика, его парфюма и этим внезапным, неловким спокойствием.

Он улыбнулся – и эта улыбка больше походила на оскал.

Взял меня двумя руками за талию и, прежде чем я успела съязвить, пояснил:

– Просто больно. Держу тебя – и легче.

– Ладно... Держи, если тебе так проще. – Я попыталась сохранить невозмутимость, но его ладони, охватившие мою талию, казались раскалёнными.

– А знаешь, как ещё лучше перенести боль?

– И... как же? – Я едва не потеряла дар речи от того, как сильно он сжал меня своими огромными ладонями. Его руки медленно сползли на бёдра, властно прижимая меня ближе.

– Вот так. – Прошептал он прямо над моим ухом, и его дыхание обожгло кожу. – Совсем не больно.

– М-м-м... Это хорошо. – Попыталась я собраться, избегая его взгляда. Но он смотрел не отрываясь, и улыбка его становилась всё хищнее. Он заметил, как я покраснела, и даже прикусил губу. *Держись, Фай. Обработывай раны и не поддавайся*, – мысленно приказала я себе.

Пальцы слегка дрожали, когда я аккуратно обрабатывала ссадину на переносице. И тут я заметила на его губе маленькую ранку, из которой всё ещё сочилась кровь, алая и влажная. Теперь всё стало понятно – откуда этот привкус железа, что остался у меня на губах после поцелуя.

И тут я вспомнила один ма-а-а-ленький, но очень важный моментик.

Я до ужаса боюсь вида крови. Не до криков и обмороков, но до головокружения, тошноты и полного отключения моз-

га – запросто. Видимо, адреналин так ловко стёр эту деталь из памяти, что я с важным видом полезла обрабатывать кровавые ссадины.

Я посмотрела на ватку в своей руке – она была вся алая, мокрая и откровенно жуткая. В темноте я просто не разглядела, что у него на лице не просто царапинка, а целое кровоизлияние в миниатюре...

Мир поплыл. Мысли спутались в один липкий комок. Я знала, что это скоро пройдёт, но прямо сейчас состояние было отвратительное. Я бы точно рухнула на пол, если бы не его руки, крепко державшие меня за талию. Видимо, он держал меня не только потому, что ему «было легче».

– Солнышко... – Прошептал он, и в его голосе звенела смесь удивления и едва сдерживаемого смеха. – Это кому тут ещё помощь нужна – мне или тебе?

Он провёл носом от моего уха по щеке к шее, и от этого низкого, властного шёпота и тёплого прикосновения мурашек стало только больше. Они бежали по коже гусиными рядами, смешиваясь с дрожью, которую я уже не могла скрыть.

– Говорила, храбрая, а от капли крови тебя чуть не вывернуло. – Усмехнулся он, усаживая меня к себе на колени так естественно, будто мы всегда сидели так. Его руки, тёплые и уверенные, легли на мою талию. – Тише-тише, а то сейчас совсем расплывишься у меня в руках. А знаешь, я же тебя почти сразу узнал. Ты та самая, что на тусовке ворвалась в туалет и так элегантно всё испортила. Не дала закончить на-

чатое той девчонке.

– Всё... нормально. – С трудом прошептала я, чувствуя, как всё тело отзывается на его присутствие. – Поставь меня на ноги, пожалуйста.

Он мягко поставил. Я поплелась к окну, распахнула его и вдохнула холодный воздух. Потом, почти не задумываясь, взобралась обратно на широкий подоконник, устроившись поудобнее. Воздух пах свободой, расстоянием и тишиной – всем тем, чего так не хватало в этой комнате, пропитанной Адамом, этой густой, сводящей с ума смесью мяты, лёгкого запаха крови и чего-то глубокого, чисто мужского, что цеплялось за сознание.

Он одним шагом преодолел расстояние между нами и положил свои горячие ладони мне на колени, обхватив их.

– Солнышко, а что это за предложения такие интересные? – Его голос стал мягче, но в нём сквозила всё та же опасная игра. – Если ты просто хотела меня... могла бы попросить. Я бы сделал всё возможное, чтобы тебе было хорошо.

От его слов и прикосновений тело окончательно обмякло. Адам раздвинул мои ноги, встал между ними. Короткая юбка задралась, но мне уже было всё равно. Его руки медленно поднялись по моим бёдрам, скользнули по талии, и одна ладонь легла на живот, а другая поднялась выше, чтобы нежно, почти почтительно, обвести контур груди через тонкую ткань топа.

– Или ты просто хотела, чтобы я сделал тебе приятно? –

Прошептал он, и его губы коснулись моего уха, посылая новый разряд мурашек по спине. – Но всё должно быть взаимно, милая.

Он продолжил гладить, его движения были одновременно властными и невероятно нежными, будто он изучал карту моего тела, которую уже давно знал наизусть. Затем он резко, но без грубости наклонился и приник губами к моей шее. Он не просто целовал – он изучал, находил именно те точки, от которых тело предательски вздрагивало, дыхание сбивалось, а колени слабели. Казалось, он знал каждую мою реакцию наизусть – будто уже давно, втайне от меня, изучил каждое место, где кожа тоньше, а нервы – обнажённое. Это было не просто прикосновение, а молчаливое, властное напоминание: *я тебя вижу. Я тебя чувствую. И я знаю, как тебя разжечь.* Он отстранился, посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде было столько сосредоточенной, почти хищной нежности, что мир поплыл. Я не видела себя со стороны, но, наверное, взгляд у меня был затуманенный, потому что кроме его лица, его рук на моём теле, я ничего не воспринимала.

Он хищно, но как-то по-новому улыбнулся, повернул мою голову набок и снова впился губами в кожу, опускаясь к ключице. Дальше я слышала только собственные прерывистые стоны и тяжёлое, ровное дыхание рядом с ухом.

Его руки нащупали край моего нижнего белья. Он опустил голову, задрал юбку выше и принялся целовать внут-

ренную сторону бёдер – сначала робко, потом всё настойчивее, оставляя на коже влажные, горячие следы. Я вся покрылась мурашками, и каждая клетка кричала от нетерпения. Он не останавливался, двигаясь от коленки к тому месту, где всё пульсировало и сжималось в сладком предвкушении. Всё, на что я была способна, – запустить пальцы в его густые волосы и сжимать их в такт его движениям.

На этом он не остановился. Двумя пальцами он оттянул тонкую ткань в сторону.

– Ч-что ты де...лаешь? – Попыталась я прошептать, но голос был чужим и разбитым.

– Ты вся мокрая... и это из-за меня? – Прошептал он, и его голос прозвучал низко, почти изумлённо. Его дыхание опалило самую чувствительную кожу. – Тебя, выходит, нужно только целовать? И всё?

И он прикоснулся губами. Не сразу, а сначала обронив несколько коротких, жарких поцелуев – будто изучая, пробуя на вкус. А потом уже – страстно, безудержно, безжалостно точно. Его язык был настойчивым и виртуозным, он не останавливался, будто ему нравилось то, что он делает, будто он хотел запомнить каждый мой вздох, каждый стон. В голове пронеслось: *Я бы хотела так каждый день. Нет, каждую секунду. Неужели это реальность, а не какой-то слишком прекрасный, слишком дерзкий сон? Я что, умерла и попала в какой-то слишком прекрасный рай?*

И тут он оторвался. Не просто прекратил, а резко отпря-

нул, как от огня. Его дыхание стало тяжёлым и прерывистым, но уже не от страсти. Он поднял на меня взгляд, и в его глазах, секунду назад тёмных от желания, бушевала настоящая буря — ярость, отчаяние и что-то похожее на ужас.

– ТЫ ДУМАЕШЬ, Я ЭТОГО ХОТЕЛ?! – крикнул он, и его голос сорвался с низкого шёпота на грубый, раздражённый рёв, полный такой боли, что мне стало физически плохо.

Он поднял на меня взгляд, но теперь в его глазах не было ни нежности, ни страсти – только холодная, обжигающая злость. Он приблизил лицо и прошептал прямо в губы, но теперь этот шёпот был полон ледяных осколков:

– Солнце... Может, этого хотела ты? Чтобы я был твоей игрушкой, которую можно включить и выключить по первому требованию?

И прежде чем я успела вдохнуть, чтобы крикнуть, возмутиться или расплакаться, он... поцеловал меня. Это было не движение страсти или злости. Это было тихое, почти невесомое прикосновение. Нежное до боли. Словно он стирал ластиком только что произнесённые жестокие слова. Поцелуй-противоречие. Поцелуй-прощание.

Он оторвался, и в его глазах мелькнуло что-то неуволновое — словно мимолётная растерянность от собственного поступка.

– До встречи, сладкая, – протянул он уже с привычной, ядовитой издевкой, отстранился и направился к двери, не оглядываясь.

Я спрыгнула с подоконника, но не успела и слова выговорить — он исчез за дверью, оставив меня в тишине, всю дрожащую, с разгоревшейся кожей и ледяным комом в груди. Я сложила руки на груди, пытаюсь унять дрожь, и твёрдо, больше для себя, чем для него, произнесла в пустоту, звучащую теперь слишком громко:

— Ну что ж, Адам Сандлер. Ты сыграл в свои игры. Я сделаю всё возможное, чтобы в следующий раз ты сам не захотел вылезать из-под моей юбки. Но на моих условиях.

Тишина в ответ была оглушительной. На моих губах всё ещё горело прикосновение — то нежное, то ледяное. И это противоречие было страшнее любой ярости.

Глава 3

Адам

«Резюме ситуации: субъект X, предположительно «судьба», дестабилизировал все системы. Наблюдаются сбои в логике, эмоциональный хаос и серия нерациональных поступков. При этом система упорно генерирует запрос на постоянное присутствие субъекта X. Работаем над устранением неисправности. Шансы – призрачные.»

Не мог уснуть. Ворочался, вспоминал каждую деталь этой сумасшедшей ночи.

– Вот идиот, – простонал я в подушку. – Что я натворил?

Нападать на кого-то так открыто, в центре города... Полный абсурд. Но помимо этого меня не отпускали мысли о Фай. Эта дерзкая девчонка хотела мной воспользоваться. Хотя, если честно, и я сам был не прочь. Но её наглость поражала.

Но когда она приказала мне её поцеловать – да-да, именно приказала – а потом сама это сделала так, что у меня искры из глаз полетели... я просто не смог остановиться. Со мной такого ещё никогда не было. Я завёлся, как подросток. Если бы она сама не прекратила, я бы, наверное, довёл всё до конца.

Я понял, кто это, сразу, как увидел её в свете фонаря. Просто в темноте было непросто разглядеть, что за милашка ука-

зывает тебе, что нужно делать. На вечеринке она держалась так, будто была центром вселенной, которую никто не достоин потревожить. Взгляд надменный, осанка – будто из стали. Такие обычно смотрят сквозь тебя. Я следил за Фай, наблюдал, как она танцует – не как все, а будто чувствуя какой-то свой, отдельный ритм, который она ни с кем не собиралась делить. Увидел, что она движется в сторону лестницы, и в голове мелькнула мысль – подойти наконец, посмотреть, как она отреагирует, снизойдет ли до разговора. Но та блондинка затащила меня в туалет раньше. И тут появилась она. Кстати, я был не против – любопытно стало, что сделает эта «королева». Но я никак не ожидал, что она окажется такой... прямой. Не высокомерной, а именно решительной. Вообще не скромница. Это был не барьер холодности, а какая-то дикая, живая энергия. Будто в фарфоровую куклу вселился дух амазонки.

А после... после я следил за ней всё то время, что она провела на вечеринке. Она меня не видела – я сидел на высоком стуле у колонны, и меня отлично скрывала толпа танцующих студентов. Но оборачивалась. Постоянно. Будто чувствовала на себе чей-то взгляд, но не могла понять, откуда. Я видел, как её взгляд скользил по залу – настороженный, изучающий, но не высокомерный, а скорее... охотничий. Увидел, что она уходит. Попрощался с парнями с таким видом, будто мне просто надоело, и вышел следом, выдержав паузу, чтобы не было так явно, что я иду точно за ней. Я хотел познако-

миться, но не так – не как преследователь из плохого триллера. Хотя с ней, казалось, иначе было нельзя. Она была из тех, к кому просто так не подойдёшь со стандартными фразами.

Да, и я её обманул, сказав, что мне нужно домой. Просто... я видел, как Фай ушла одна. И что-то внутри ёкнуло – не страх, а скорее инстинкт. Что оставлять её одну сейчас – неправильно. Может, я и трус, что не могу просто предложить девушке выпить кофе. С этой – точно не мог. Боялся, что она посмотрит тем самым ледяным взглядом и просто развернётся. Я думал, она другая – высокомерная, недоступная, вызывающая странное раздражение. А оказалось, с ней говорить было намного легче, чем я предполагал. Слишком легко. Она не строила из себя неприступную крепость. Она была открытой силой, с которой можно было либо столкнуться, либо договориться. И от этого становилось одновременно и жутковато, но безумно интересно.

И к тому же... она меня выручила. Сейчас я был бы не в своей постели, а в камере. И что бы я сказал Аманде? Почему её старший брат в тюрьме, а её саму отправляют в приют?

– Чёрт. – Взглянул на часы. Пора собираться на учёбу, а я ещё не спал. – Ладно, плевать.

Пока чистил зубы, вспомнил, какая Фай красивая. И ещё, что у неё два имени – сначала странное и необычное, потом короткое и дерзкое, в её стиле. Она постоянно указывала мне, что делать. Первый раз встречаю девушку, которая командует мной, как будто так и надо. И что самое странное

– мне это не то чтобы не нравилось. Странная. Но безумно привлекательная.

А как она целуется... М-да. А у неё дома... Я сам поддался. Решил сыграть по её правилам, и в итоге только сильнее разгорячился. Оторвался от неё резким движением, хотел, чтобы испугалась... Хотя, если честно, сам с удовольствием бы продолжил. Фаак.

– Пожалуй, в душ. – Пробормотал я.

Но душ не помог. Только усилил всё. Вода, бегущая по телу, лишь оживила воспоминания о её прикосновениях. Я хотел, чтобы она была рядом. Чтобы снова чувствовать её кожу, целовать так же страстно, как ночью. Чтобы всё было по-настоящему – не игра, а что-то большее. Я почти поверил, что всё это было сном. Слишком нереально, слишком дико. Пока не посмотрел в зеркало.

Нет, не сон.

В отражении – ссадина над бровью, темнеющий синяк на щеке и разбитая губа. Всё настоящее. Каждая царапина, каждый синяк. Каждое воспоминание – тоже. Воздух резко вырвался из лёгких. Так и есть. Я действительно напал на того парня. Я действительно убегал от полиции. И она... Фай... действительно целовала меня под фонарём так, что земля ушла из-под ног. Я дотронулся до разбитой губы, почувствовал лёгкое жжение. Боль была настоящей. Как и эта странная, тянущая пустота внутри. Не от страха перед последствиями – от чего-то другого. От осознания, что она видела меня

таким. Неуправляемым. Опасным. И всё равно... вцепилась в меня, чтобы спасти. Или чтобы потом шантажировать.

Голова гудела. Мне кажется, это не очень адекватно, что я спорю сам с собой. Боже. Я закрыл глаза, но перед ними снова встало её лицо – с вызовом в глазах, с этой её дерзкой, почти бесшабашной улыбкой. Нет, точно не сон. Это было слишком ярко. Слишком... по-настоящему. И теперь с этим придётся жить.

Холодный душ в итоге немного успокоил нервы, смыв с кожи липкий налёт ночных событий. Я оделся в серый костюм, собрал в спортивную сумку сменку для тренировки и вышел на кухню. Там Аманда, уже возилась с тостами и яичницей.

– Привет, соня. – С улыбкой бросила она, не отрываясь от плиты. Но через секунду, по привычке обернувшись, она застыла на месте. Ложка в её руке замерла в воздухе. – Адам? Что с твоим лицом? – Голос её стал тише. Она внимательно, с нарастающей тревогой всматривалась в ссадину на виске и свежий синяк на щеке, почти около глаза. – Ты подрался?

Аманде сегодня точно не нужно знать, где её брат провёл эту ночь и чем занимался. Лучше держать это при себе.

– Приветик. – Я подошёл и поцеловал её в висок. – Вчера на бокс ходил, видишь, не слишком удачно. Больше не пойду.

Она внимательно посмотрела на ссадину, но лишь вздохнула.

– Я не голоден, пообедаю в столовой.

– Ну и ладно, мне больше достанется. – Она показала язык, и я не удержался от улыбки.

Но уже натягивая кроссовки, я кое о чём вспомнил.

– Ты сегодня снова идёшь на урок музыки? – Голос прозвучал резче, чем я планировал.

– Ой, Адам, не начинай. – Она закатила глаза. – Что такого страшного в этих уроках? Ты сразу взрываешься, как только о них заходит речь.

– Я же говорил бросить это проклятое пианино! Почему ты меня никогда не слушаешь? – В голосе уже зазвенело раздражение.

– Во-первых, не пианино, а фортепиано. – Парировала она. – А во-вторых, я не брошу уроки у мистера Фильмана. Мне это нравится. А ты... иди уже и перестань мне указывать. Ты мне не отец, а брат.

Скажите честно – подростки созданы специально, чтобы испытывать нервы на прочность? Потому что каждый раз, когда я пытаюсь её оградить, она делает всё с точностью до наоборот. Эта девчонка сведёт меня с ума.

– Да, я понимаю, что не отец. – Выдавил я, сдерживаясь. – Но, как видишь, сейчас рядом нет ни мамы, ни папы, и мы с тобой им, похоже, не очень-то и нужны. Так что будь добра – сделай, как я говорю. Хотя бы в этом.

– Нет. Пока. – Коротко бросила она и развернулась к лестнице.

– После школы, чтобы была дома! – крикнул я ей в спину, чувствуя, как теряю контроль. – Придёт Сэм, будет с тобой сидеть. Я всё сказал. Не сделаешь по-моему – перейдёшь на домашнее обучение!

– Мне не нужна нянька, Адам! – Её голос донёсся сверху, полный обиды и протеста.

– Пока, Аманда. – Уже тише сказал я. – И будь осторожна. Дверь захлопнулась за мной с глухим стуком. Я перевёл дух, поправил ремень сумки на плече и побежал на пары. Впереди был долгий день, а за плечами – целый ворох проблем, решать которые придётся только мне.

Зайдя в свой корпус, я сразу заметил двоих, стоящих в самом центре коридора, – Хэнка и Сэма. Мои товарищи по команде и, по совместительству, близкие друзья.

– О, Адам, наконец-то! – Хэнк первым поднял голову, и его лицо тут же расплылось в ехидной ухмылке. – И где это ты вчера так оторвался? Всё лицо прямо... светится. Особенно правый глаз. Очень выразительно.

Он захихикал, а я только вздохнул. Иногда я сам не понимал, почему именно этот придурок стал мне близким другом.

– И тебе привет, Хэнк. – Сухо ответил я. – Кое-что случилось. Но обсудим это не здесь.

– Нееет, – Хэнк притворно округлил глаза, понизив голос. – Ты же не...

– Тише. – Я резко перебил его. – Я же сказал – не здесь.

В нашу напряжённую паузу вмешался Сэм – второй мой друг, полная противоположность Хэнку: спокойный, вдумчивый, и его присутствие меня всегда немного уравнивало. Это меня в нём удивляет. Хотя он младше нас с Хэнком.

– Ты хочешь сказать, что не сдержался и всё-таки нашёл того типа? – Тихо спросил Сэм, и в его взгляде читалась тревога, смешанная с усталым пониманием. Он сделал паузу, понизив голос почти до шёпота. – Но, Адам, ты же понимаешь, что мы не можем быть уверены на все сто, что это именно тот, кого мы ищем? Ты действуешь на эмоциях и обрывочных сведениях. Одна ошибка – и всё рухнет.

– Что непонятного в словосочетании «не здесь»?! – Я сжал зубы, пытаюсь говорить тише, но голос всё равно прозвучал резко, прорываясь сквозь шум в моей голове.

Затем я сделал шаг назад, переводя дыхание и пытаюсь сменить тему, которая съедала меня изнутри. – Кстати, сегодня ты посидишь с Амандой? Всё в силе? – спросил я, и мой тон, должно быть, прозвучал неестественно, потому что Сэм странно на меня посмотрел. Молча, изучающе. Потом медленно кивнул.

Оба приумолкли, уставившись на меня. Всё-таки они поняли намёк и тут же переключились, начав обсуждать каких-то девушек с той вечеринки. Но я их уже не слушал. Мой взгляд скользил по коридору, выискивая её. Я безумно хотел её увидеть.

И тут моё внимание привлекла новая проблема. Возле дверей нашего крыла стоял полицейский и, судя по всему, останавливал студентов, задавая им вопросы.

– Э-эм. – Хэнк неуверенно ткнул локтем мне в бок. – Это же не по твою душу? Твою же мать, Сандлер, скажи, что не по твою. Я тебя умоляю.

Я посмотрел на него, и в глазах, наверное, мелькнуло всё, что я думал на самом деле. Но сказал я другое:

– Не переживай. Это точно не за мной.

Хотя внутри я был почти уверен в обратном. Но сейчас, перед важной игрой, парням не нужно знать, что я, возможно, вляпался в историю, которая может всё порушить. Им нужно верить, что их капитан держит себя в руках, а не прыгает с кулаками на того, в ком мы даже не уверены до конца. И уж точно они не должны знать, с кем я провёл эту сумасшедшую ночь и какие за это могут быть последствия.

Парни, видимо, поняли, что я его нашёл и наказал, но дальше расспрашивать не стали – может, не хотели идти свидетелями по этому делу. Не знаю.

Так я и стоял посреди коридора, уставившись на мужчину в форме, словно пытаюсь прочесть по губам, о чём он всех расспрашивает. Парни двинулись к аудиториям и позвали меня с собой, но я только махнул рукой:

– Идите без меня, мне тут нужно кое с кем встретиться.

Они переглянулись, хитро ухмыльнулись, но ушли, перешёптываясь и посмеиваясь. Я же не мог сдвинуться с места.

Потому что увидел её.

А она сначала заметила меня, а потом нашла взглядом полицейского. Всё, что я смог сделать, – это провести ладонями по лицу и прошептать, глядя, как она начинает двигаться в сторону офицера: – Фаак. Фаак. Фааак.

Похоже, оставалось только ждать, чем всё это закончится.

Я даже не понимал, чего боюсь больше: того, что меня сейчас уведут в наручниках, или того, что не могу оторвать от неё глаз. На ней было короткое белое платье, которое лишь подчёркивало линии бёдер, а на ногах – туфли на каблуке. Она была невероятной. И как же обидно будет, если именно эта красотка сейчас сдаст меня полиции.

Фай посмотрела прямо на меня и хитро, едва заметно улыбнулась. Её взгляд метался между мной и полицейским. И тут я услышал её голос – громкий, звонкий и наполненный наигранной паникой:

– О, боже, помогите, пожалуйста!

Это было настолько неожиданно, что я инстинктивно дёрнулся вперёд, но полицейский был ближе. Я не разобрал, о чём они говорили дальше – шум в коридоре заглушал слова. Но последнее, что я успел заметить, прежде чем сердце упало куда-то в кроссовки, – это как Фай, всё с той же лёгкой улыбкой, подняла руку и указательным пальцем чётко и недвусмысленно показала прямо на меня. И затем они оба, и она, и полицейский, медленно повернулись в мою сторону.

Глава 4

Фай

«Шантаж – не путь для любви, понимаю. Это путь для гарантии. Так что выдыхай, дорогой, воздух-то у нас теперь общий. Небось, пахнет свободой и взаимным доверием?»

Войдя в крыло, я почти сразу его увидела. И он... Боже.

Он был одет в спортивное безумие, которое на нём превращалось в высокое искусство. Широкие штаны-оверсайз из мягкой ткани падали с его бёдер небрежными, идеальными складками, но никакой крой не мог скрыть того, что было под ними. Каждое движение отдавалось в материи скрытой, мощной силой, и мой взгляд, против моей воли, зацепился за ту самую... выпуклость, которая намекала на анатомическое совершенство, о котором в колледже рассказывали только шёпотом. На нём была простая белая футболка. Обычный хлопок. Но на его торсе она выглядела как вторая кожа, безупречно обтягивая каждый рельеф мышц. Каждую черту того пресса, который, казалось, был высечен не для обычной жизни, а для мраморной статуи. Она подчёркивала ширину плеч, и свет, падающий из окна, лепил из его силуэта что-то нереальное.

Вся эта спортивная небрежность кричала о силе, молодости и откровенной, животной привлекательности. Он был ходячим Аполлоном в кроссовках. Неприлично сексуаль-

ным. Невыносимо красивым. Но всё это великолепие разбивалось о его глаза. В них читался настоящий, животный страх. «Он что, меня испугался?» — мелькнула мысль. Но, повернув голову, я увидела причину — у дверей неподвижной грозной тенью стоял полицейский.

Ох, милый... не хотел ты по-хорошему, да? — мысленно вздохнула я. И, встретившись с Адамом взглядом, мило, почти невинно, ему улыбнулась.

Решила сыграть на опережение. Сделала вид, будто подвернула ногу — на таких каблуках это выглядело вполне правдоподобно. Пришлось приложить усилия, чтобы не выдать улыбку своей же актёрской игре.

— О боже, помогите, пожалуйста! — Вырвалось у меня громче, чем планировалось. Ну и ладно. Я заметила, как Адам дёрнулся было вперёд, но полицейский оказался ближе. Работа у него такая — помогать людям.

— Представляете, подвернула ногу. — Прощебетала я, цепко впившись пальцами в плечо офицера. — Видимо, сегодня день для новых ощущений.

— Ничего страшного, бывает. — Вежливо ответил он. — Вы же на таких каблуках.

— Извините ещё раз за беспокойство. А, кстати... не часто тут увидишь полицию. Что-то случилось?

— Да, девушка, случилось. Вчера вечером был избит мужчина. Не могу сказать кто — он просил не раскрывать личность. И по словам свидетелей было понятно, что это моло-

дой человек, но точно не знаем, студент или мужчина, вот и расспрашиваю и пытаюсь выяснить, может, кто-то видел или слышал, что произошло ночью.

– Какой ужас. – Пробормотала я, театрально прикрыв рот ладонью. – Кем же надо быть, чтобы такое сделать... – *Хотя сама знаю – кем. Красивым студентом. Этого достаточно, чтобы какая-то умная девушка придумала ему алиби.* – А не подскажете, где это произошло?

– Кхм... – он аккуратно отпустил мою талию и отступил на шаг. – Вам уже лучше?

– Да, да, спасибо. Ну так где же это случилось?

– На парковке в центре города. Вы так интересуетесь... Может, что-то знаете? – Полицейский прищурился, его взгляд стал цепким и оценивающим. – Если знаете – говорите. Помните, за сокрытие информации и препятствование следствию тоже можно получить реальный срок. Не стоит рисковать из-за чужой глупости.

– Нет, что вы! Просто... как раз вчера вечером мы гуляли там с моим молодым человеком. Но ничего подозрительного не видели и не слышали. – Я подняла руку и указала пальцем прямо на Адама. – Вот с ним гуляли.

Полицейский проследил за моим жестом. В глазах Адама застыла смесь ужаса и полного непонимания. Думаю, такого он точно не ожидал.

– Во сколько примерно это произошло? – Не отступала я.

– Примерно в полночь. Вы там были в это время?

– Нет, сэр, в это время нас уже там не было. – Искренне и с максимально серьёзным лицом ответила я ужасно хмурому полицейскому, чей взгляд мог бы заморозить кипяток.

– А почему тогда у вашего парня ссадины на лице?

Вот блин... Вот это я влипла. Ладно, Фай, думай и выкручивайся.

– А-а... Знаете, он вот решил на бокс сходить. – Затараторила я, стараясь сохранять милую улыбку, хотя ладони уже стали влажными. – Первый пробный урок, и всё такое... Вот таким я его и встретила у спортивного клуба. Ну, может, даже одна из ссадин нанесена мной. – добавила я с лёгким кокетством. – В общем, туда он больше не пойдёт. – Закончила уже серьёзным тоном, отвечая на его немой вопрос.

– Хорошо... Если что-то вспомните – вот моя визитка. Только ничего не скрывайте. И позвоните, если что-то важное придёт к вам в голову.

Он ещё раз серьёзно, почти пристально посмотрел на меня, кивнул и развернулся, направляясь к выходу.

– До свидания. – Вежливо попрощалась я ему в спину и резко встряхнула головой, словно пытаюсь сбросить тяжёлый груз этого разговора.

Как только полицейский скрылся за углом, я наконец выдохнула. Никогда в жизни мне не приходилось так лихорадочно сочинять и так искусно врать за такой короткий срок. И всё из-за него. Словно с появлением Адама в моей жизни я вступила в какую-то абсурдную игру, где правда стала

ненужной роскошью. Это уже походило на маразм.

Тут прозвенел звонок, и коридор моментально опустел, оставив меня наедине с тяжёлым послевкусием от только что сказанных слов.

Я направилась к своей аудитории, но не успела сделать и пары шагов, как из-за угла меня резко подхватили одной рукой. Я инстинктивно вцепилась в шею нападавшего, чтобы не упасть.

– Ай! О, Адам, приветик. – Прощебетала я, помахав пальчиками у него перед лицом.

Он странно на меня посмотрел – изучающе, оценивающе, но сам казался расслабленным. Видимо, тот факт, что его не скрутили в наручники при всех, его искренне обрадовал. Адам посадил меня на широкий подоконник, положил свои ладони мне на бёдра, чуть выше края платья, и наклонился так близко, что его дыхание коснулось моих губ.

– Солнце моё. – Прорычал он низко. – Что ты ему сказала? И почему показала на меня? – Его тон изначально был мягким, но резко сменился на жёсткий. – Ну, говори.

Я улыбнулась. Он меня рассмешил. Зачем совершать такое опасное действие, а потом так переживать? Может, он и правда не хотел избивать того мужчину?

– Тш-ш. – Я приложила палец к его губам. – Тише, милый. Успокойся, всё же хорошо.

– Да что тут хорошего? – Его голос стал тише, но от этого только опаснее. Он отвёл мою руку, и его взгляд стал острым,

как лезвие. – Скажи честно: ты сдала меня? Они уже ждут у выхода?

Он говорил что-то ещё, но слова терялись где-то на фоне моего внезапного, всепоглощающего осознания. Я просто... залипла.

Его глаза – цвета тёмного, почти горького шоколада, такие глубокие, что в них хотелось утонуть с головой. Волосы – густые, тёмно-каштановые, и я уже представляла, как они шевелятся под моими пальцами. Скулы, будто высеченные. Я заметила то, что трудно разглядеть на расстоянии или в полумраке: мелкие, почти прозрачные веснушки, рассыпанные по переносице и щекам. И тонкий, едва заметный шрам над верхней губой – небольшая белая линия, которая добавляла его лицу не идеальности, а странной, живой правдивости. Лёгкая щетина, которая так кололась вчера... когда мы... Мой взгляд сам собой опустился к его губам – они казались такими мягкими, такими тёплыми, будто созданными для того, чтобы их целовать. Я так глубоко ушла в эти мысли, что непроизвольно прикусила свою собственную губу, пытаясь вернуть себе хоть каплю самообладания.

– Фай. – Его голос врезался в мои грёзы, резкий и требовательный. – Ты вообще слышишь меня?

– Да-да, конечно. – Я встрепенулась, заставив себя сфокусироваться и поднять на него самый невинный взгляд, на который была способна. – А что ты сказал?

– Ты издеваешься? – Он выглядел так, будто готов был

взорваться. – Что. Ты. Ему. Сказала? Просто ответь. Пожалуйста. – В последнем слове прозвучала почти мольба, хотя его руки на моих бёдрах сжимались всё сильнее.

– Сладкий, ты так настойчиво начал меня трогать, будто я уже твоя собственность. – Заметила я, и голос прозвучал тише, но с лёгким, вызывающим оттенком. – А да, о чём это я?.. Уговор. – Выдохнула я уже серьёзно, ловя его взгляд.

– Что?

Этот простой вопрос поставил меня в тупик. Он явно отреагировал на какую-то свою мысль, а не на мои слова.

– У нас был уговор. Или ты забыл? – Я обвела его медленным, оценивающим взглядом с ног до головы, играя в его правила. Уголок губ дрогнул в полуулыбке. – Так что... согласен?

– На что? – наконец выдавил он, всё ещё не понимая, куда я клоню.

– На всё, милый. – Парировала я, не моргнув глазом.

Он отшатнулся, будто увидел меня впервые. Несколько секунд молчал, и я наблюдала, как в его глазах борются сомнение и раздражение. Внутренняя борьба видимо закончилась поражением.

– Да. Ладно. – Он выдохнул тяжело, будто подписывал себе приговор. – Я согласен. Твоя взяла. Я буду... бойфрендом твоей мечты. – Он резко шагнул ближе, и его голос стал тише, но чётче. – А теперь ответь на мой вопрос. Правда, что ты ему сказала?

– Ну вот и славно. – Я позволила себе улыбнуться, чувствуя, как торжество разливается теплом внутри. – Да, я сказала ему, что мы вчера там были.

– Зачем?! – Он буквально взорвался, отскочив на шаг назад. – Для чего ты это сделала? Ты вообще понимаешь...

Я стремительно подняла руку и приложила ладонь к его губам, останавливая поток слов. Но он не отстранился. Вместо этого его губы – горячие, вопреки сердитому тону, – мягко коснулись моей кожи.

Это было не поцелуй, а скорее тихое, осмысленное прикосновение. Всё внутри сжалось в лёгкий, горячий комок, а по спине пробежали мурашки. Так сильно захотелось сомкнуть пальцы на его шее, притянуть ближе, стереть эту дерзкую усмешку... но я лишь медленно опустила руку.

– Сладкая, у тебя что, фетиш? – Проговорил он полушепотом, и его голос прозвучал низко и вкрадчиво, будто он делился какой-то грязной тайной. – Мне рот затыкать любишь... Это у тебя типа БДСМ проблеск, да? Или просто так, чтобы подразнить?

Его слова повисли в воздухе, густые и дразнящие, обжигая сильнее, чем его прикосновение.

Не подав виду, я продолжила ровным, почти деловым тоном:

– Не стоит так волноваться. Мы там были, потому что гуляли. Раз уж мы теперь пара. – Сделала акцент на последнем слове. – И мы ничего не видели. Вот и всё, что ему нужно

знать.

Он не отвечал, лишь смотрел на меня пристальным, изучающим взглядом, в котором всё ещё читались и злость, и то самое невысказанное недоумение.

– Фу-ух... – Он провёл ладонью по лицу, смахнув невидимую пелену, потом резко вцепился пальцами в волосы и откинул их назад. Взгляд был пустым, выжженным, но в этой пустоте читалось тяжелое, почти физическое облегчение. Как у человека, чья нога уже сорвалась с края, но ему чудом удалось отпрыгнуть назад.

– Но есть проблемка. – Не дала я ему перевести дух, вцепившись в этот миг уязвимости.

– Я уже устал. – Его голос прозвучал глухо, и в этих словах осела вся горечь прошедшего дня. Он закрыл глаза. – Ладно. Какая ещё проблемка у нас есть, милая?

Последнее слово он выдохнул с такой ядовитой нежностью, что по спине пробежал холодок.

– Полицию заинтересовали твои ссадины.

– Фаак... – Вырвалось у него шипящим, сдавленным выдохом. Глаза тут же открылись, пустота сменилась острой фокусировкой. – И что ты ему сказала?

Его руки снова легли на мои бёдра, властно и привычно. От этого прикосновения, будоражащего даже сейчас, по коже побежали мурашки. Хотя сам Адам, казалось, был совершенно слеп и глух ко всему, кроме моего ответа. Его пальцы впились в плоть, требуя правды.

Я не стала заставлять себя ждать. Подтянула его к себе за футболку, притянула так близко, что наши тела разделяла лишь тонкая ткань, и почувствовала, как напряглись все его мышцы. Затем наклонилась и прошептала прямо в самое ухо, вкладывая в каждое слово дерзкую, почти вызывающую откровенность:

– Я объяснила ему, что мы обожаем очень... грубый секс. И что иногда мы... просто неудачно падаем.

– Значит, наклонности всё-таки имеются... – Выдохнул он хрипло, и в его голосе смешались шок, оценка и искра дикого, неподдельного интереса.

Адам замер. Не просто остановился – он будто окаменел, превратился в статую из напряжённых мышц и сдерживаемого импульса. Его взгляд, на мгновение ставший тяжёлым и неподвижным, словно свинцовый, внезапно вспыхнул, но так и не оторвался от меня. Он был – будто прикованный, будто натянутая струна, готовая сорваться. В глубине тёмных зрачков зажглись, закружились опасные искры. Это была не просто ярость или страх. Это было что-то дикое, первобытное – возбуждение, замешанное на отчаянии и едва сдерживаемой силе, и всё это было направлено на меня одним непрерывным, жаждущим лучом.

Я не успела до конца понять этот взгляд, как он резко, почти болезненно грубо, засунул обе руки под подол моего платья. Его пальцы впились в голые бёдра с такой силой, что боль смешалась с шоком, а кровь, казалось, на миг застыла в

жилах. Он сглотнул с усилием, и я увидела, как напряглись и заходили скулы.

— Зачем ты мне говоришь такое? — Его голос опустился до опасного, хриплого шёпота, от которого по спине пробежал холодок, а внутри всё сжалось и поплыло. Его хриплый шёпот обжёг кожу, будто касаясь её физически. — Ты меня напрягаешь. А я... я давно не расслаблялся. Единственный раз, когда почти получилось — в туалете, — и тот ты обломала.

Его рука медленно, с провокационной театральностью, высвободилась из-под края платья. Палец, прямой и обвиняющий, нацелился точно в меня. Вызов повис в воздухе густым и колючим.

Так мы играем? Хорошо.

Я не дрогнула. Взгляд спокойно скользнул с этого пальца к его лицу, а на губах расцвела лёгкая, беззаботная улыбка. — Ой, — сказала я с нарочитой лёгкостью, — а я-то думала, ты на диете. От всяких лишних... напряжений. — Я сделала маленькую паузу, давая словам прожечь воздух. — Видимо, ошиблась. Значит, твои проблемы с релаксацией — это не ко мне вопрос. Это к... профессиональной помощи. Или к более сговорчивым собеседницам. — Я наклонила голову, изображая слащавое сочувствие. — Жаль, что одна из них уже сбежала. Платье, кстати, у неё было милое. Кружева. Тебе, наверное, нравятся кружева?

Я видела, как его зрачки слегка расширились, а напряжение в челюсти выдало точное попадание. И прежде чем он

смог опомниться, я мягко, почти невесомо, приложила губы к его всё ещё вытянутому указательному пальцу. Короткий, отчётливый, но нежный поцелуй. Казалось, время для него остановилось. Он застыл, палец замер у моих губ, и в его взгляде на мгновение мелькнула чистая, неподдельная растерянность. Мне нравится, когда он теряется. Это забавно.

Он медленно опустил руку, но напряжение не исчезло — оно преобразовалось. Из грубой силы в холодную, выверенную концентрацию. Уголок его рта дёрнулся — не ухмылкой, а скорее признаком того, что правила только что усложнились.

— Кружева? — произнёс он нарочито медленно, будто пробуя слово на вкус. — Они... хрупкие. Рвутся от одного неловкого движения. — Его взгляд скользнул по моему лицу, вниз к моему скромному наряду и вернулся к глазам. — А мне, знаешь ли, нравится... прочность. Что-то, что может выдержать натиск. И не сломаться. Не сбежать.

Он сделал ещё один шаг, сокращая дистанцию до опасной близости. Теперь он стоял так близко, что его ноги почти касались подоконника, на котором я сидела. Я была вынуждена слегка запрокинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом.

— Так что, может, я не ошибся адресом? — его голос снова стал тихим, но теперь в нём вибрировала не злость, а нечто более тёмное и заинтересованное. — Может, твоя... беззаботность — это просто очень хорошая броня? И мне

стало интересно, что под ней.

Броня. Слово ударило точнее, чем он предполагал. Внут-
ри всё сжалось в ледяной комок, но лицо сохранило лёгкую,
загадочную улыбку.

— Броня? — Я мягко рассмеялась, будто он сказал что-то
забавно-наивное, и слегка откинулась на окно, демонстрируя
показное расслабление. — Ох, Адам, какая романтика. Мне
больше нравится думать об этом как о... качественном по-
крытии. Как на хорошем автомобиле. — Я провела ладонью
по своему бедру, жестом, будто смахивая невидимую пылин-
ку. — Оно блестит, отталкивает грязь и... скрывает, что на-
ходится внутри. А заглянуть под капот без разрешения вла-
дельца — это, знаешь ли, нарушение. Часто — со взломом.
— Я подняла на него глаза, и моя улыбка стала чуть острее,
лезвием. — А я слышала, у тебя и так уже были сегодня про-
блемы с законом. Не стоит их усугублять, правда?

Мой взгляд на секунду сознательно соскользнул в сторону
окна, за которым неподвижной тенью маячила фигура поли-
цейского, а затем так же медленно вернулся к Адаму, вновь
заставляя его встретиться со своим отражением в моих зрач-
ках.

Ход был сделан. Я не просто парировала, оставаясь на сво-
ём "троне". Я использовала его же уязвимость, его страх, как
оружие. Я мягко, но неумолимо вернула фокус на его реаль-
ность, на его шаткое положение, напомнив, кто здесь на са-
мом деле стоит на зыбкой почве, даже подойдя так близко.

Игра продолжалась. Но теперь, даже сидя, я чувствовала себя так, будто держу карты.

– Ох, милый, полицейский вернулся. – Сказала я так тихо, что он наклонился ближе, чтобы расслышать. Он инстинктивно хотел обернуться, но я не позволила, взяв его за подбородок и мягко, но твёрдо повернув лицо к себе. – Поцелуй меня. Мне кажется, он мне не поверил.

Адаму предлагать дважды не нужно. Он решительно раздвинул мои ноги, чтобы встать между ними, его движения были быстрыми и уверенными.

– Эй, у меня короткое платье. – Прошептала я, но в голосе звучало скорее предупреждение, чем протест. – Даже не думай.

– Согласен. Это видеть никто не должен. – Он наклонился так близко, что его губы почти касались моих. – Кроме меня, конечно.

Он притянул меня к себе, одной рукой крепко обхватив талию, а другой скользнув по моим ногам, сложенным одна на другую. Адам не стал церемониться – его поцелуй был властным и ненасытным, язык сразу же нашёл мой. Это было неожиданно, но безумно приятно. Я ответила с той же страстью, а он запустил руку в мои волосы, ещё глубже погружаясь в поцелуй. – Что ты делаешь со мной? – оторвавшись, чтобы перевести дух, прошептал он прямо мне в губы. Его дыхание было горячим и неровным. Потом он повернул голову к коридору, и в его глазах промелькнуло удивление,

смешанное с догадкой. – Там вообще кто-то был?

– Да. – Сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Я же не буду тебе врать. Просто он убедился и ушёл.

Я соврала. И он это понял – по тому, как его взгляд заиграл, смягчившись в уголках.

– Ну-ну. – Фыркнул он, и в его глазах мелькнула смешинка, дерзкая и понимающая. – Тогда, наверное, стоит поблагодарить тебя за... бдительность.

Ну всё, попала. Блестяще, Фай. Он раскусил тебя за секунду, хотя целовал так, будто ему на самом деле было плевать, был там кто-то или нет. Еле сдерживая смех от этой нелепой ситуации, я всё же собралась с мыслями.

– Так, нам нужно всё «это» обсудить. – Обвела я пальцем пространство между нами, подчеркивая каждое слово.

– Ок, обсудим как-нибудь. – Он отмахнулся, делая шаг назад.

– Ой, милый, не забывайся. Теперь я – твоё алиби. Нет меня – нет твоей свободы. – Я произнесла как можно строже, пытаюсь разгадать его взгляд. Он был застывшим, задумчивым – видимо, Адам о чём-то серьёзно размышлял.

Он вдруг резко развернулся, собираясь уйти. Но я не дала ему этого сделать.

– Стой. Сними меня отсюда. Я же на каблуках, как я, потвоему спущусь, спрыгну?

Адам замер, потом, сдавленно вздохнув, вернулся. Он мягко, почти нежно, подхватил меня под колени. Я обвила

его шею руками, чувствуя напряжение в его плечах. Он уже собирался опустить меня на пол, но я-то не хотела его отпустить.

– Эй, ты ногами ходить собираешься? Или мне тебя теперь на руках везде носить? – А сам ухмыльнулся от этой мысли.

– Можем внести это в договор. – Рассмеялась я. Адам тоже не удержался от улыбки – глупая идея, но почему-то забавная. – Ладно, мне уже пора. Я и так сильно опоздала. Донеси, пожалуйста, до кабинета.

Я смотрела ему прямо в глаза, но он вдруг опустил меня на ноги, как бы спохватившись.

– Сама дойдёшь.

Я сделала вид, что не заметила его грубости, поправила платье и пошла к аудитории.

– Заберёшь меня после пар. – Бросила я через плечо.

– Но у меня сегодня только две пары, а у тебя – три. – Он произнёс это, опустив голову и разглядывая носки своих кроссовок.

Внутри ёкнуло от внезапной, сладкой догадки. Он... что, специально узнавал? Следил за мной? Или просто запомнил, подсмотрев моё расписание?

– Мне очень... лестно. – Голос мой прозвучал тише, почти с запинкой. – Что ты так внимателен. Даже до расписания моих пар добрался, милый. – Я поймала его взгляд и увидела в нём мгновенную вспышку – что-то между смущением и досадой. Он попался, и ему это было неприятно. Но под этой

досадой таилось что-то ещё... Что-то, что заставило тепло разлиться по моей груди. Неужели я ему небезразлична?

– Но нам всё-таки нужно серьёзно поговорить. – Добавила я, уже чувствуя, как жар заливает щёки. Говорила о деле, а думала лишь о том, что он выяснял, в какой аудитории и когда меня искать.

– Опять командуешь! – Бросил он, но в его тоне уже не было прежней жёсткости, только усталая раздражённость, будто он и сам устал от этой игры в кошки-мышки.

– До встречи, Адам.

Я не обернулась. Была абсолютно уверена, что моё лицо пылает ярче любого помидора. Его внезапная осведомлённость, это странное, почти навязчивое внимание... Мне это не просто льстило. Это затрагивало что-то глубинное, потаённое внутри – будто луч света упал на давно забытую комнату в душе, заставляя сердце биться чаще и тревожнее.

Пробормотав извинение преподавателю, я скользнула в кабинет, оставив за тяжёлой дверью его неподвижную фигуру. Но вместе с собой унесла это новое, смущающее и волнующее знание: он интересовался. И теперь между нами висела не только сделка, но и эта тихая, невысказанная ниточка взаимного любопытства, которая тянулась куда прочнее любого шантажа.

Глава 5

Адам

«Признаюсь, соскучился. Не подумай, что это приглашение вернуться. Мой ад – дело сугубо личное. А спокойно мне становится только от мысли, что ты не вернёшься. Звучит дико, но это так.»

Прямо с порога аудитории Хэнк набросился на меня с расспросами, будто следователь, упустивший главного свидетеля.

– И куда это ты пропал, герой? Только, чур, не говори, что с копами беседовал о высоком. – Хэнк подмигнул, устроившись рядом, и тут же принялся вытряхивать из рюкзака три шоколадки и две банки колы, явно готовясь к долгому допросу с пристрастием.

– Нет, с копами не беседовал. Можешь расслабиться. – Буркнул я, пытаюсь разобрать свои же каракули в конспекте, которые внезапно стали похожи на зашифрованные послания, а не на конспект лекции по биохимии.

– А! Значит, с той чикой с вечеринки в каком-нибудь тёмном уголке обжимался? Я же видел, как она тебя в туалет повела... Ну что, сильно хорошенькая? – Хэнк не унимался, сыпля вопросами, словно автомат, пока я пытался понять, было в моих записях слово «митохондрия» или «микроволновка». *На кой хрен программистам биохимия?*

Я промолчал, даже не удостоив его взглядом, и принялся с таким усердием изучать страницу, будто там был зашифрован ответ на вопрос о смысле жизни. Но Хэнку слов и не требовалось – он всё понял по моей каменной мине и по тому, как я непроизвольно поправил футболку.

– Ух ты! Тысячу лет тебя в компании девочек не видел, а эта, значит, уже успела тебя приручить? И, что, в нашей же подсобке? – Он фыркнул, и его смех гулко разнёсся по задним рядам, заставив пару одноклассниц повернуться с любопытством.

– Да отвяжись ты, всё не так просто. – Я швырнул ручку на парту, окончательно смирившись с тем, что сегодня из лекции не вынесу ни строчки. Мысленно я уже видел, как моя успеваемость медленно, но верно катится под откос, и виной всему был не учебный план, а один навязчивый друг и одна дерзкая блондинка.

– Ладно, ладно. Так кто она, та самая, что утатила тебя в святая святых? – Хэнк пододвинулся ближе, явно ожидая как минимум захватывающей предыстории с погоней.

– Да никто. В туалете ничего не было. – Я провёл рукой по лицу, чувствуя нарастающую усталость.

– А на кой вы тогда туда ходили? – Хэнк округлил глаза с наигранным недоумением, будто я только что признался, что хожу в туалет исключительно для медитаций.

– А как думаешь, зачем обычно в туалет ходят, гений? – Не сдержав саркастической улыбки, парировал я, наблюдая,

как на лице друга медленно проступает понимание, смешанное с новым, ещё более живым витком любопытства.

– Ох, братан... – Протянул Хэнк, качая головой с видом мудрого гуру. – Значит, дело не в девчонке... а в твоём внезапно проснувшемся интересе к сантехнике? Печально. Я бы на твоём месте всё-таки надеялся на первый вариант.

Он с драматическим вздохом развернул шоколадку и отломил кусок, явно довольный собой и тем, что вытянул из меня хоть какую-то реакцию. А я снова уткнулся в конспект, зная, что это лишь начало. Хэнк своего не оставит – и, конечно же, он не отступил.

– Так вы с ней переспали или нет? Я ни черта не въезжаю! – Не унимался Хэнк, даже понизив голос до драматического шёпота, будто мы замыслили государственный переворот, а не обсуждали мою личную жизнь.

– Так, господа с задних рядов! – Внезапно раздался чёткий, как лезвие, голос профессора Дэвиса, резанувший по напряжённой тишине аудитории. – Может, выйдете к доске все вместе и поделитесь с аудиторией тем, что обсуждаете с таким энтузиазмом? Бьюсь об заклад, это дискуссия по сегодняшней теме! Хэнк, подойди-ка, реши нам вариант номер семь.

Спасибо, профессор Дэвис. – Мысленно вздохнул я с облегчением. *Вы только что спасли меня от вопросов, на которые у меня... ответов просто нет.*

Хэнк бросил на меня взгляд, полный немой мольбы о по-

мощи – умоляюще широко раскрытые глаза, чуть приоткрытый рот. Но я лишь беззвольно рассмеялся в ответ, разводя руками в бессильном жесте.

– Каждый сам за себя, пупсик. – Прошептал я ему вслед, пряча довольную улыбку в ладони.

Кажется, друг наконец-то въехал, что сейчас ко мне лучше не лезть, и затих. Остаток пары и последующие занятия я провёл как в тумане. Шум вокруг не долетал, друзья стали размытыми силуэтами – я просто думал. Думал о ней.

Я видел Фай и раньше, просто не знал её имени. Замечал, как она смеётся с подругой у старых шкафчиков, как ловко играет в волейбол на физре, будто не прикладывая сил. А однажды... один местный придурок выскочил из женской раздевалки, размахивая вещами, и орал что-то похабное на весь спортзал. Вслед за ним, прижав к груди одно тонкое полотенце, выбежала она – вся сжавшаяся, с глазами, полными унижения. Наши взгляды встретились на долю секунды, прежде чем она шмыгнула обратно, и в них было столько боли, что у меня внутри что-то перевернулось.

Тогда я догнал того ублюдка, прижал его к холодной кафельной стене и очень, очень внятно объяснил, что если он посмотрит на неё ещё раз, то больше не увидит вообще ничего. И всё.

Ирония в том, что тогда я и представить не мог, что когда-нибудь буду касаться её так свободно. И уж тем более – целовать так, будто от этого зависит моё дыхание. Но вся

проблема в том, что я её не понимаю. Она ослепительна, но за этим обаянием, кажется, скрывается целая вселенная, куда мне нет хода. Я не из тех, кто легко раскрывается. А она – раз! – и ворвалась в мою жизнь как ураган, заявив, что отныне я её «парень». По сценарию. Но я не хочу быть фейком. И чёрт возьми, я уже и сам не уверен, смогу ли долго притворяться, что это просто игра, когда каждый её взгляд, каждое прикосновение заставляют всё внутри сжиматься от чего-то очень настоящего.

Ну и план у неё в голове созрел! Кто вообще может до такого додуматься? «Привет, я видела, как ты кого-то избиваешь, так что теперь ты мой парень». Браво, гениально. Неужели её бывший настолько отморозок, что она готова на всё, включая шантаж случайного парня с окровавленными костяшками, лишь бы отвадить того придурка? Хотя одно радует – он *бывший*. А я, выходит, *нынешний*. Ну и идиотом же надо быть, чтобы упустить такую... Нет, лучше не продолжать эту мысль.

Когда прозвенел звонок, мы с парнями потянулись в раздевалку – время переодеваться на тренировку. В коридоре была привычная давка, но её я заметил мгновенно. Фай стояла в фойе, оживлённо жестикулируя в разговоре с подругой. «Что, даже не посмотрит?» – мелькнуло у меня где-то на задворках сознания, и стало как-то... обидно? Серьёзно?

И в тот же миг, будто уловив волну моих не самых умных мыслей, она подняла глаза. Наши взгляды встретились, и на

её лице расплылась такой искренняя, тёплая улыбка, что у меня внутри что-то ёкнуло. Ух ты. Похоже, она и правда умеет читать мысли. Надо пореже думать о том, чего мне от неё хочется... а то ведь и правда прочитает.

Её подруга, видимо, не поняла, кому адресовано это сияние, и обернулась. Симпатичная девушка, я её раньше видел – она частенько болтает с Хэнком.

– Эй, Хэнк. – Ткнул я локтем приятеля. – Это подружка, всё ещё в твоей жизни?

– Ага. – Он лениво подошёл к ним, перебросился парой фраз, а вернувшись, тут же набросился на меня с подозрительным прищуром: – А тебе-то какая разница? Она тебе что, тоже нравится?

– Нет. – Я снова поймал взгляд Фай через всю толпу и не удержался от ответной ухмылки, но подходить не стал. Пока не придумал, как себя вести – как с сообщником по криминалу или как с девушкой, от улыбки которой становится тепло. *Нет, друг, мне нравится та, другая. Та, что странная, с улыбкой, от которой забываешь, как дышать, и с глазами, в которых явно прячется пара-тройка гениальных и совершенно безумных планов.*

Я двинулся дальше, подгоняя замечтавшегося Хэнка, который уже, кажется, мысленно выбирал имя для их будущих детей, и на ходу, уже спокойнее, бросил:

– Правда, хорошая.

– Согласен. – Кивнул Хэнк, а потом, лукаво прищурив-

шись, резко развернулся к Сэму. – Эй, Сэм, а ты себе подружку не завёл? Или ты всё ещё в тайных отношениях со своим Xbox?

Тот лишь презрительно фыркнул, поправив рюкзак на плече:

– Пфф, спрашиваешь. У меня их даже две.

Мы с Хэнком замерли как вкопанные и хором выпалили, почти синхронно:

– И кто они?

– И кто они?

Сэм оглядел нас с такой театральной скорбью, будто мы только что признались, что не умеем читать.

– Боже, вы как супружеская пара, которая тридцать лет делит одну зубную щётку и мозг на двоих. – Вздохнул он, едва сдерживая улыбку. – Да вот же они! – С драматическим пафосом он широко развёл руки в стороны, растопылив пальцы, как будто представляя публике невидимых фанаток.

Мы с Хэнком в полном недоумении переглянулись, на секунду решив, что он указывает на кого-то позади нас, и чуть не свернули шеи, оглядывая пустой коридор. Но Сэм тут же опустил руки, смотря на нас с жалостью.

– Во, тугодумы. – Он поднял правую ладонь. Потом левую. – Мои верные, незаменимые подружки. Никуда не денутся и всегда помогут... особенно когда нужно что-то крепко держать или кнопку вовремя нажать.

– Ах ты ж придурок! – Расхохотался Хэнк, качая головой.

И наше дружное, громкое ржание, больше похожее на табун диких лошадей в замкнутом пространстве, разнеслось по коридору, пока мы, толкаясь плечами, направлялись в раздевалку.

В баскетбол меня отдал отец ещё в младшей школе, и он меня затянул. Когда поступил в колледж, меня почти сразу назначили капитаном команды «Соколиный глаз». Наверное, из-за опыта – я на площадке дольше всех. И хоть я не собираюсь посвящать этому жизнь, мне нравится это братство, азарт и даже эта ответственность за общий результат.

Тренировка у нас длится два часа, так что Фай ещё меня ждать будет. Пусть потерпит – надо же её проучить за приказы в мой адрес. Пусть побесится немного, с ней ничего не случится.

– Куда ты кидаешь?! Ты слепой, что ли, не видишь, что я тут стою на свободной! – Рывкнул я на Хэнка, когда мяч снова пролетел мимо. – Разлепи уже свои глаза! На девушек в зале хорошо засматриваешься – молодец, а мяч другу отдать не можешь!

– Да-да, понял уже, мой косяк, не кипятись. – Отмахнулся он.

– Всё! На сегодня свободны! – Скомандовал я, собрав команду.

В раздевалке, под шум душа, разговор продолжился.

– Ладно, Адам, успокойся. На игре всё будет чисто. – Сказал Хэнк, раздеваясь.

– Игра на следующей неделе. Надо закрыть сезон красиво,

а не позорно. Так что соберись. – Я смягчил тон.

– А что, Сэм сегодня, типа, круто играл? – Спросил Хэнк, и в его голосе сквозь показное равнодушие пробивалась досада. Он знал ответ, но ему нужна была подтверждение – или опровержение.

– Да. – Коротко кивнул я, собирая вещи. – Он хотя бы слушает и выполняет мои команды. Без лишних споров и вопросов.

Хэнк фыркнул, резко стянул с себя майку и швырнул её в общую корзину для грязного белья. Мои слова явно попали в цель. Друг молча разделся, отвернувшись. Было видно, что ему досадно за свои промахи на площадке, и моя похвала Сэму только добавила ему горечи. Хэнк в ответ лишь показал нам фак и, не говоря ни слова, зашлёпал в душ. Мы с Сэмом переглянулись, разделись и последовали за ним, вежливо воздержавшись от ответных жестов, хотя тихий смешок над обиженным другом всё же вырвался у обоих.

– Ты куда сейчас? Домой? Может, подвезёшь? – Спросил Сэм, пока я вытирался полотенцем.

– Э-эм, нет, у меня дела. – Ответил я, натягивая штаны.

– В смысле? Ты что, с нами уже не делишься? – Сэм приподнял бровь.

– Ну, может, сами всё увидите. – Я загадочно ухмыльнулся, накидывая кофту, и направился к двери, оставляя их переглядываться в недоумении.

– Ахренеть! Слышал? У него теперь от нас секреты! –

Прокричал мне вслед Хэнк, уже вылезая из душа. – Потом не приходи жаловаться, что тебе плохо!

– Да пошёл ты, не ревнуй, красавчик! Всем пока! – Бросил я через плечо и вышел.

Я направился к парковке, и сердце забилося чуть чаще. Я чувствовал – там меня ждала самая красивая девушка на свете.

Глава 6

Фай

«Идеальный план: жажда тепла + нежелание обманывать = радость от мимолётной близости с тем, кто это тепло лишь изображает. Классная математика.»

– Извини, что задержался. – Адам бросил мне свою фирменную, ослепительную улыбку, в которой, однако, читался немой вопрос: «Ты уже собираешься мне устроить сцену?»

Я удивилась. Неужели он ждал истерики? Упрёков и драмы?

– Да, всё в порядке. – Пожала я плечами, стараясь говорить легко. – Я сама догадалась, что у тебя тренировка. Не ты один умеешь подсматривать расписание.

Эти слова, кажется, задели его куда сильнее, чем я ожидала. В его глазах что-то дрогнуло, смягчилось, будто он только что сдал трудный экзамен, который сам же себе и устроил.

И прежде чем я успела это осознать, он резким, уверенным движением притянул меня к себе. И поцеловал. Прямо на парковке, у всех на виду. Так страстно и безоговорочно, будто мы и правда были вместе целую вечность. Как тут было не ответить? Его поцелуй был самым вкусным и ослепительным беспорядком, в котором я когда-либо тонула.

Пока мы растворялись друг в друге, сзади раздался приглушённый возглас: «У-у-у, вот это я понимаю, дела!» – И

следом глухой стук чего-то упавшего – похоже, чья-то челюсть.

Мы разом оторвались, дыхание спутано. Его взгляд был таким близким, тёмным и бездонным.

– И что это значит, красавчик? – Прошептала я, едва отводя губы от его.

– Это значит, что я согласен. – Так же тихо ответил он, и его дыхание смешалось с моим. – На любые твои условия. Какие бы ты мне ни предложила.

Он нежно коснулся моих губ ещё раз, коротко и обещающе, и только затем, словно вспомнив, что мы не одни во Вселенной, обернулся.

Наступила та самая неловкая пауза, которую в кино заполняют закадровым смехом. Прямо перед нами, застыв как на нелепом групповом фото, стояли его друзья. Хэнк смотрел на нас с таким восторгом, будто только что увидел самое крутое шоу на свете. Сэм же просто стоял и смотрел с удивлением в глаза. А чуть в стороне, с широко открытыми глазами и прикрытым ладонью ртом, застыла Милли. По её лицу было видно, что она в полном шоке, но при этом ей жутко интересно, и взглядом она явно спрашивала меня: «И когда ты всё это успела устроить?»

– Ой, Милли... Что ты здесь делаешь? – Вырвалось у меня, пока мозг отчаянно пытался собрать картинку воедино.

Она молча, на автомате, наклонилась, чтобы поднять свой пластиковый стаканчик с кофе. К счастью, он не разбился.

Но её рот так и оставался открытым от немого изумления.

– Э-э-э... ты, типа, не хочешь нас познакомить? – Нарушил паузу Хэнк.

– А, да, конечно. – Адам легко обнял меня за плечи, пригнув к себе, и поцеловал в висок. Я же стояла, не моргая, пытаюсь понять, в какую именно реальность попала. – Это моя девушка. Фай.

Я резко повернула голову, чтобы взглянуть на него. И застыла. Он... будто светился изнутри. Его глаза искрились неподдельным, почти мальчишеским счастьем, а на губах играла самая искренняя и широкая улыбка, какую я когда-либо видела.

– Да, то есть... Привет. Я Фай. – Проговорила я, наконец справившись с оцепенением, и протянула руку парням, чьё удивление, кажется, ничуть не уступало моему.

– Привееет. – Первым пришёл в себя Хэнк. – Я Хэнк, а это Сэм.

Сэм молча, но с лёгкой улыбкой кивнул и пожал мою ладонь.

В этот момент раздался очередной глухой стук. Подруга снова выронила стаканчик, и остатки кофе растеклись по асфальту. Она просто смотрела на лужу, будто не понимая, что произошло.

– Ой, Милли... По-моему, ему пришёл конец. – С наигранной драматичностью произнёс Хэнк, разглядывая последствия. – Давай я куплю тебе новый?

Милли молча, почти машинально кивнула, не отрывая взгляда от меня и Адама.

Кажется, моя подруга совсем остолбенела. Я сделала шаг в её сторону, решив поговорить, но она опередила меня.

– Что за чертовщина здесь происходит? – Прошипела она, уже хватая меня за локоть и решительно отводя в сторону. В её голосе бушевало негодование.

– Милли, я никогда не слышала от тебя таких слов. – Попыталась я смущённо улыбнуться.

– Хватит мне зубы заговаривать! – Она не поддалась на мой мягкий тон. – Когда ты успела захамутать этого парня?! Буквально вчера у тебя никого не было, а сегодня... сам Адам Сандлер объявляет тебя своей девушкой?! – И целует тебя у всех на виду?! – Милли развела руки в стороны, её глаза были круглыми от непонимания.

Я молчала. Что можно было ответить? Сама не ожидала, что знакомство с его друзьями произойдёт так... публично. В конце концов, я лишь беспомощно улыбнулась и повторила её жест, разведя руками.

– Не знаю. – Честно выдохнула я.

– Ну ты даёшь... – Милли не успела договорить, потому что в этот момент раздался голос Адама.

– Милая, мы едем?

Боже, почему мне так неловко?

– Он тебя «милой» назвал?! – Прошептала Милли, наклонившись ко мне. – Когда вы успели так сблизиться? Что во-

обще происходит? То я о тебе ничего не знаю, а то вдруг узнаю, что ты встречаешься с ним! – Она уже не шептала, а почти шипела, тыча пальцем в сторону Адама.

– Дорогая, некультурно пальцем показывать. – Попыталась я её успокоить, но мой голос прозвучал скорее виновато, чем убедительно. – Я всё тебе потом объясню, хорошо? Мне правда нужно идти.

Пока я подходила к машине, краем уха поймала вопрос Сэма:

– «Милая»? Тебя что, приворожили? Или ты просто сбрендил?

– Я просто не тяну кота за яйца. – Спокойно парировал Адам и бросил многозначительный взгляд на Хэнка. Тот, в свою очередь, перевёл взгляд на Милли.

Вся эта ситуация казалась мне сюрреалистичным сном. Я помахала всем на прощание и скрылась в пассажирском кресле. Следом, коротко попрощавшись, за руль сел Адам.

Дверь захлопнулась, отгородив нас от внешнего мира. Он завёл мотор, а затем повернулся ко мне. В его глазах играла та самая смешинка, опасная и манящая.

– Не хочешь перекусить? – спросил он, и в голосе слышался вызов.

– Поехали уже, – выдохнула я, глядя в лобовое стекло и чувствуя, как сердце стучит где-то в горле.

В салоне повисло неловкое молчание. Минуты три мы ехали, не произнося ни слова, каждый погружённый в свои мысли.

– Ты же понимаешь, что не стоило так... публично это показывать. – Наконец нарушила тишину я, глядя в окно. – Это же всё ненастоящее.

Адам молчал. Не сказал ни слова в ответ. Я бросила на него быстрый взгляд и на мгновение замерла. В его глазах мелькнуло что-то неожиданное – не раздражение, а едва уловимая тень, почти что грусть. Она исчезла так же быстро, как и появилась, оставив после себя лишь напряжённую тишину.

– Всё-таки что это сейчас было? – Спросила я уже тише, имея в виду эту сцену на парковке.

– Наконец-то. – Выдохнул Адам, будто ждал этого вопроса. – Я думал, ты так и будешь молчать до конца дороги. А было то, что я всё обдумал. Готов предложить свои услуги защитника. Разве не этого ты хотела – отпугнуть бывшего? – Он проигнорировал мой первый вопрос – про публичность и «ненастоящее». Сделав вид, будто не услышал.

– Угу, хотела. – Тихо подтвердила я, опустив взгляд. Единственное, чего мне хотелось на самом деле – чтобы он сделал это не только для моей безопасности, а из-за меня. Потому что, что-то чувствует. Но я подняла голову и произнесла со-

всем другое: – Да, он... того. Чокнутый. Бывает, следит, пишет странные сообщения. Это немного пугает. – Последние слова я произнесла почти шёпотом.

Адам окинул меня взглядом, полным понимания – будто знал, как эта тема меня тревожит. Он мягко положил свою ладонь мне на колено.

– Всё будет хорошо, сладкая. Теперь тебя есть кому защитить. – Он улыбнулся, и улыбка осветила его глаза и тронула уголок губ. В ответ я накрыла его руку своей, без слов говоря «спасибо».

И угадайте, куда привёз меня мой шикарный новый парень? Конечно, прямо к моей работе. К забегаловке «Blue Hour». – Ох, дом, милый дом. – С иронией выдохнула я, глядя на знакомую вывеску.

– В смысле? Ты что, здесь живёшь? – Удивлённо поднял бровь Адам.

– Почти. Только я здесь работаю. Но правда, сейчас у меня отпуск.

– Я же не знал. Здесь, кстати, очень неплохие бургеры. Но если хочешь, можем заглянуть куда-нибудь ещё.

– Нет, раз уж приехали. – Я почувствовала, как проголодалась. – Пойдём.

Адам вышел и дождался, пока я подойду. Затем просто взял меня за руку. Его пальцы сплелись с моими, и это движение было на удивление естественным.

– Ты можешь не держать меня за руку вне колледжа, если

тебе... неловко или неприятно. – Осторожно заметила я.

Он остановился и повернулся ко мне. Его взгляд стал серьёзным и очень тёплым.

– Кто сказал, что мне неприятно, сладкая? Мне очень даже приятно. Разве ты этого не чувствуешь?

Я покраснела до корней волос и, не найдя слов, лишь потянула его за собой ко входу. Мы заняли столик в уютном углу, а я уже чувствовала на себе любопытные взгляды. Официантка Эвилин заметила нас сразу.

– Привет, Фай! Какими судьбами? – Она широко улыбнулась, а её взгляд тут же переметнулся на Адама. Её глаза округлились. – О боже! Это что, твой бойфренд? Такой хорошенький! – И мило подмигнула ему.

Я лишь закатила глаза, пытаюсь сохранить безразличный вид. – Привет, Эви. Принеси, пожалуйста, нам два бургера, две картошки и два латте. – Я намеренно проигнорировала её восторги. Обсуждать наши с Адамом отношения, тем более которых нет, особенно не хотелось.

Когда Эвилин, наконец, скрылась на кухне, Адам склонился через стол, и в уголках его губ заплясала знакомая усмешка. – Ты слышала? Я, оказывается, хорошенький.

– Ой, успокойся. У неё мужчины года два не было. Для неё сейчас даже столб фонарный покажется хорошеньким. – Отмахнулась я, но не удержалась от улыбки. – Хотя в этом она, пожалуй, права.

Уголок его губ дрогнул, а потом расплылся в той самой,

чуть смущённой улыбке, которая заставила моё сердце биться чаще. Ему явно понравилась эта шутка.

Под столом я нечаянно задела его ногу своей. Он тут же поймал мою лодыжку, нежно обхватив её ладонью. Его большой палец начал медленно водить по коже, и по спине побежали мурашки. Этот лёгкий, интимный жест подействовал, как электрический разряд. Он не смотрел на меня, делая вид, что полностью поглощён меню, но это прикосновение говорило само за себя – тихо, уверенно, считывая каждый мой вздох.

Но нашу тихую прелюдию прервал восторженный голос Эви, разнёсшийся по всему залу.

– Джек, представляешь? К нам заглянула Фай!

– Ооо, нет... – Простонала я, чувствуя, как всё внутри сжимается.

– Что такое? – Тут же встревожился Адам.

Но было уже поздно. К нашему столику уверенно направлялся Джек, мой директор, широко улыбаясь.

– Милая моя! Какими судьбами? Ты же должна отдыхать, готовиться к экзаменам! – Он раскинул руки, как будто встречал давно потерянную дочь.

– А что, я не могу просто зайти и пообедать в место, где работаю? – Попыталась я ответить с лёгкостью, которой не чувствовала.

– Конечно, можешь, для тебя наши двери всегда открыты! – Джек подошёл ближе и, наконец, заметил Адама, сидящего

напротив. Его улыбка на мгновение дрогнула.

Адам, как я и ожидала, смотрел на Джека со сдержанной, но явной холодностью. На его лице не было и тени дружелюбия.

– Добрый день. – Произнёс Адам, и его голос прозвучал как лезвие, обёрнутое в бархат. – Я – молодой человек этой прекрасной девушки. Адам. А вы, как я понимаю, директор этого заведения?

В его тоне явственно сквозила угроза. И чтобы я не сомневалась, он под столом сжал мою ногу так сильно, что я чуть не вскрикнула.

– Адам! – резко шепнула я, и его хватка тут же ослабла.

– Кхм, очень приятно познакомиться. Джек. – Мой босс всё же протянул руку. Адам, медленно поднявшись, ответил на рукопожатие. Их взгляды скрестились на пару секунд дольше, чем это было необходимо в вежливом приветствии.

После этого Джек, благоразумно решив ретироваться, лишь кивнул мне: «Приятного аппетита, ребята». По его слегка ошарашенному виду было ясно – он никак не ожидал увидеть меня в компании парня, который выглядел так, будто вот-вот снесёт кому-нибудь голову за неверный взгляд.

– Вот ваш заказ, приятного аппетита! – Эви поставила перед нами тарелки с бургерами, мило улыбаясь.

– Спасибо. – Кивнула я ей, но Адам уже смотрел туда, куда скрылся Джек. Его бровь была недовольно приподнята.

– Он так всегда с тобой разговаривает? – Спросил он, от-

кусовая от бургера. В его голосе сквозила лёгкая, но твёрдая неприязнь. – Эти подкаты? Ему сколько, семьдесят? Мне это не нравится.

– Да, всегда. – Пожала я плечами, пытаюсь казаться равнодушной. – Сколько здесь работаю, столько и слышу.

– А сколько ты здесь работаешь? – Он положил бургер, его взгляд стал внимательным и чуть более мягким. – Я твой парень, а о тебе почти ничего не знаю.

– Я не очень... открытый человек. – Осторожно призналась я.

– В этом мы похожи. – Коротко усмехнулся он. – Но всё-таки?

Я вздохнула, смирившись с его настойчивостью.

– Ладно уж. Полгода. Устроилась сюда, как только поняла, что нам с мамой не хватает денег. – Сделав глоток латте, я перевела разговор. – А ты? Где-то работаешь? Мне тоже хочется узнать тебя лучше.

– Да, иногда балуюсь. Когда есть время, создаю программы для разных компаний. Прибыльное дело, кстати. Не просто так же я на программиста учусь – чтобы мир спасти красивым кодом, а заодно чтобы и на бургер хватало.

– Это круто, – искренне восхитилась я. – Для меня твой код – это как древние руны: красивые закорючки, но смысл ускользает. – Я запнулась, внезапно осознав, куда завела эта мысль. – В общем-то... как и всё в жизни. Порой ничего не понимаю. – Слова сорвались тихо, почти против моей воли,

и я тут же потупила взгляд в свою чашку, слегка смутившись. Кажется, его спокойствие было тем самым ключом, который невольно повернул замок на моих самых потаённых мыслях.

Он не засмеялся, не стал утешать банальностями. Просто отодвинул пустую тарелку и посмотрел на меня так внимательно, что я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Знаешь, все думают, что программисты – это супермены, которые говорят на языке нулей и единиц. А на самом деле, половина рабочего дня – это гуглить «почему ничего не работает». Так и жизнь. Ты не одна такая, кто чувствует себя в тупике. У всех всё запуталось и стало слишком сложно. У меня так же.

Я посмотрела на него – на его чуть уставшие глаза, на ту тень, которая мелькала в них, когда он думал, что я не вижу. И поняла, что не ошиблась. Он и правда хороший. Просто носит маску, потому что его жизнь, судя по всему, тоже не была лёгкой прогулкой.

И мы заговорили. Сначала осторожно, обходя острые углы, а потом всё свободнее. Мне, привыкшей держать дистанцию, это было одновременно и страшно, и пьяняще. Он спрашивал не из вежливости, а потому что хотел знать – как я живу, что люблю, чего боюсь. Его внимание было таким неожиданным и таким искренним, что где-то внутри таял лёд, к которому я давно привыкла. Это было слишком быстро. Слишком неожиданно. Я не умела так – просто раскрываться пе-

ред человеком, который ещё вчера был просто знакомым из коридора.

Мы болтали до тех пор, пока за окном не стемнело, и огни города не зажглись. Адам оплатил счёт – я даже спорить не стала, он просто мягко прикрыл мою ладонь своей, – и отвёз меня домой.

Перед домом он остановил машину. Я наклонилась и нежно поцеловала его в щёку, ощутив под губами лёгкую щетину и тепло его кожи. Не говоря ни слова, вышла. Слишком многое нужно было переварить. Слишком много чувств нахлынуло разом, и я к такому не была готова. Эти разговоры – ни о чём и обо всём сразу – с ним они были чем-то лёгким и прекрасным. Я будто снова научилась дышать полной грудью. Это было нереально – как легко и приятно оказалось просто болтать с ним. Он был умным, его шутки попадали точно в цель, не обижая, а заставляя смеяться.

Зайдя домой, я сразу направилась в комнату. Единственное, чего хотелось, – сбежать в сон, чтобы всё внутри улеглось. Я даже не смогла переодеться, так и уснула в платье, с остатками туши на ресницах и этой странной, тёплой тяжестью под сердцем – с чувством, которое было одновременно пугающим и самым желанным, что со мной случалось за долгое время.

Глава 7

Адам

«Моя любимая часть нашей сделки – та, где мне плевать на сделку. Потому что всё, что от неё осталось – это твоя рука в моей и какое-то непозволительное тепло, которого в контракте не было.»

После того как я зашёл домой, постучал в комнату Аманды. Ответа не последовало, но я услышал недовольные шаги. Дверь открылась ровно настолько, чтобы из щели выглянуло хмурое лицо сестрёнки.

– Доволен?! – Выпалила она.

– Ну да. – Расслабил плечи. – У меня отличное настроение. А у тебя, видимо, нет. Если у тебя эти дни – так и скажи, я буду комнату обходить.

– Нет у меня никаких дней! – Она фыркнула. – Мой педагог уехал в командировку. Вот теперь ты доволен?

– Ну да, теперь я доволен. – Улыбнулся я во все тридцать два зуба, пытаюсь разрядить обстановку.

Ответом был резкий хлопок двери прямо перед моим носом. Боже, дай мне сил пережить этот подростковый период.

– Ну если хочешь так... поговорить, то ладно. – Продолжил я уже в щель. Сэм уже ушёл домой?

– Да.

– Как дела в школе? Всё хорошо?

– Да, Адам, отстань. У меня всё в порядке.

– Ладно. – Сдался я. – Но если захочешь поговорить, я у себя.

Ответа не последовало. Что ж, как есть.

Я развалился на кровати и первым делом проверил телефон. Друзья завалили вопросами: где я её взял, как познакомился. Не буду же я говорить правду – что в туалете на вечеринке, когда какая-то отчаянная девчонка хотела мне «помочь», но ворвалась эта самая красотка и спутала все карты.

Перед тренировкой я заглянул к секретарше и выудил номер Фай. Чтобы писать ей ночью разные глупости. Чтобы не расслаблялась. Хотя сам, кажется, уже полностью попал под её обаяние. Пусть будет, как будет. Плывём по течению. А оно, надо сказать, несёт к чему-то хорошему – она оказалась классной. С ней легко. И по-настоящему весело.

Адам: Привет. Спишь?

Адам: Эй...

Фай: Спала. А это кто?

Адам: ТЫ ЧТО, СВОЕГО ПАРНЯ НЕ УЗНАЁШЬ?

Фай: Откуда у тебя мой номер?

Адам: А вот и не скажу. В чём спишь?

Она долго печатала. Наконец пришло:

Фай: Я сплю голышом. Всё, пока. Чпок. И поцелуйчик.

Я опешил. Она сейчас... абсолютно голая. Одна в кровати. И этот «чпок»... Что это – намёк или просто глупость? Решил считать, что намёк. Разделся и лёг. Вырубил почти

сразу. Последняя мысль перед сном промелькнула в голове: *а возможно ли влюбиться в человека, которого почти не знаешь, всего за один день?*

Проснулся рано, чтобы успеть к ней. Хочу, чтобы она поняла: я настроен серьёзно. Она мне нравилась давно – просто я думал, она такая же, как все эти куклы, которым нужны только статус и красивая обёртка. А оказалось, она намного мудрее и живее всей этой силиконовой толпы.

Подъехал к её дому как раз в тот момент, когда она выходила и захлопывала дверь. Посигналил. Фай удивлённо обернулась, подошла к машине и, даже не поздоровавшись, выпалила:

– Ты что тут делаешь? Мы же не договаривались, что ты меня будешь подвозить.

– И тебе привет, сладкая. – Улыбнулся я, открывая ей дверь. – Просить об этом не нужно. Я мужчина, я сам знаю, что мне делать. Запрыгивай, давай.

После того как она села, я продолжил, стараясь звучать как можно более деловито. Может, это было со стороны слишком навязчиво, но я не мог иначе – мне нужно было удержать её рядом, создать как можно больше поводов быть ближе. А вдруг ей это всё не нужно? Вдруг она соглашается только из-за этого чёртова бывшего? Эти мысли сводили с ума, и единственный выход был – действовать.

– К тому же мы не успели обсудить детали нашего договора. – Сказал я, наблюдая за её реакцией. Мне показалось, она

на секунду расстроилась, но тут же взяла себя в руки. Может, она тоже думала о чём-то большем, чем просто договор?

– Да, ты прав. – Согласилась она, и в её голосе послышалась капитуляция. – Давай договоримся.

Я завёл машину и тронулся с места, прокручивая в голове, как лучше это всё преподнести.

– Я думаю, что лучше нам не встречаться ни с кем, кроме друг друга. Чтобы не было неловкости. – Начал я.

– Хорошо. – Она ответила быстро, почти не задумываясь. А я произнёс это уверенно, потому что других вариантов для себя уже не видел. Только она. И она точно будет моей. – Значит, я защищаю тебя от бывшего, чтобы он не докучал *нам*. – Я намеренно сделал акцент на «нам», и, кажется, она покраснела. Мне нравилось её смущать, стирать границы между её проблемой и нашей общей ситуацией. – А ты, в свою очередь, будешь иногда помогать мне с сестрой. За ней нужен присмотр, когда я отлучаюсь и никто не может приехать.

Она чуть приподняла бровь, и на её губах промелькнула улыбка.

– Услуга за услугу. Это что, бартер нового поколения? Справляться с навязчивым бывшим в обмен на... сиделку?

– Не просто сиделку. – Поправил я, наклоняясь чуть ближе. – На старшего товарища. Сопровождение в школу, проверка домашнего задания, возможная помощь в отражении нападков школьных хулиганов – стандартный набор.

– А я-то думала, ты позвал меня на роль репетитора по

шантажу. — просто сказала она, но интерес в её глазах не угасал.

— И к тому же. — Добавил я, довольный её игривым тоном. — Теперь ты моё алиби на все случаи жизни. Нужно будет объяснить, где я был в ночь на пятницу? Гулял с тобой в парке. Почему опоздал на важную встречу? Помогал тебе выбирать лампочки в магазине. Откуда царапина на лице? Ты, в порыве страсти, задела меня...

Она рассмеялась — звонко и неожиданно.

— То есть я теперь твой универсальный предлог на все случаи жизни? И репетитор, и няня, и прикрытия для криминальных походов?

— Идеальный пакет «три в одном». — Кивнул я с деловой серьёзностью, хотя уголки губ предательски дрожали. — Экономия времени и нервов. Ну что, берёшься за проект?

— Ну, я подумаю... — Она сделала паузу, её взгляд стал изучающим. — Так у тебя есть сестра? И сколько же ей лет?

— Семнадцать.

— Зачем ей нянька? Она уже взрослая. И где ваши родители?

— Они уехали. Надолго. Давай без вопросов. — Я слегка сжал руль. Тема была неприятной. — Ты согласна?

— Угу. — Фай улыбнулась и кивнула, и от этого простого согласия у меня внутри всё перевернулось.

Но она продолжила, и её следующий вопрос вернул меня в реальность куда мягче, чем я ожидал.

– Хорошо, без вопросов. Но скажи честно. – Она повернулась ко мне, и в её глазах играл озорной огонёк. – Твоя сестра случайно не профессиональная шпионка или гонимая? Просто хочу понимать уровень риска. Меня не смущают домашние задания, но отбиваться от злодеев с бластерами я бы не хотела.

Я не сдержал улыбки. Она умела разряжать напряжение так легко, словно щёлкала выключателем.

– Пока что только от школьных задир. – Ответил я. – Но кто знает, что будет дальше. Будем считать это частью профессионального роста.

– Как будем вести себя на людях? – Спросила Фай уже серьёзнее, когда я сворачивал на парковку.

– Ты имеешь в виду, в колледже?

– Да.

– Увидишь. – Загадочно улыбнулся я, и от этих слов, произнесённых низким, обещающим тоном, у неё по коже действительно побежали мурашки. Я видел, как она слегка вздрогнула.

Как только мы остановились, я выскочил из машины, оббежал капот и открыл ей дверь. Взял за руку и подвёл к себе, прислонив её спиной к машине. Больше не мог терпеть. Она была так невероятно красива в этом простом джинсовом платье, что все мысли о договорах и бывших просто испарились.

Я впился в её губы, и она ответила – горячо, без колеба-

ний. Её руки обвили мою шею, пальцы вцепились в волосы. В голове пронеслось: *Боже, я что, сейчас застону от её прикосновений? Как такое возможно?* Ни одна девушка не выводила меня из себя так быстро и так полностью. С ней всё было иначе. С ней всё было впервые. Я усадил её на капот, и всё остальное перестало существовать. Мои ладони скользнули по её бёдрам, обхватили талию, чувствуя каждый изгиб через тонкую ткань платья. Она вскрикнула от неожиданности, но не оттолкнула – наоборот, её тело выгнулось навстречу, дыхание стало прерывистым и горячим.

– Тихо, солнышко. – Прошептал я, целуя её шею. – А то подумают, что я здесь не романтику налаживаю, а двигатель чиню.

Она фыркнула сквозь поцелуй, смех смешался со стоном.

– Прикидываешься механиком? – Её голос дрожал.

– Самый что ни на есть. – Пробормотал я в ответ, ощущая, как бьётся её сердце в унисон с моим. – Ищу причину поломки. Очень тщательно.

Мы оба забыли, где находимся. Забыли про парковку, про людей, про всё. В этот момент существовали только тёплый металл капота под ней, мои руки на ней и это дикое, всепоглощающее чувство, что всё идёт именно так, как должно было идти с самого начала.

Но кто-то решил нам помешать. Резкий, нарочитый кашель: «Кхм-кхм».

Она отпрянула, будто обожжённая, и её взгляд, ещё се-

кунду назад томный от желания, стал испуганным, остекленевшим. Я медленно обернулся, готовый разорвать того, кто прервал этот момент. Передо мной стоял парень. Ниже ростом, но с накачанным телом, которое он, видимо, считал аргументом. Его лицо было перекошено злобой, а поза кричала: *Смотрите, я – главная проблема в чьей-то жизни.*

Я повернулся к Фай, и мой взгляд задал единственный вопрос. Она беззвучно кивнула, её губы дрогнули, выдохнув: «Это он». Всё стало на свои места. Холодная ярость нахлынула мгновенно, вытеснив весь жар страсти. Я метнул в него взгляд, в котором хотел, чтобы читалось всё: обещание боли, презрение, угроза. Хотел бы я, чтобы из глаз били лазеры, но увы, природа обделила.

– Что-то подсказать? – Спросил я с ледяным, абсолютным спокойствием, которое было опаснее любого крика. – Или ты просто пришёл полюбоваться на то, как выглядят настоящие чувства? Редкий экземпляр, согласен.

– Отойди от неё. – Прошипел он, не сводя с меня бешеных глаз. – Найди себе другую куклу для потрахушек. Это моя.

Мир сузился до точки. «Моя. Кукла. Для потрахушек». Эти слова повисли в воздухе, грязные и отвратительные. У меня даже в голове на секунду пронеслось: *«Потрахушек»?* *Серьёзно? Он что, из дешёвого сериала вылез?*

– В смысле, твоя кукла? – Моё спокойствие треснуло, голос стал низким и рычащим. – Для чего, как ты так поэтично выразился? У неё что, заводной ключ сзади? Или инструк-

ция по эксплуатации в комплекте шла, которую ты так и не осилил?

Я выпрямился во весь рост, закрывая собой Фай полностью. Всё моё тело напряглось, готовое к удару.

– Это моя девушка. – Прорычал он, и каждое слово падало, как молот. – И никто не будет к ней прикасаться, кроме меня. Никто.

От одной мысли, что он её так называл, в глазах потемнело. Отлично. Значит, он не только мудака, но и с фантазией проблемы.

– Я не твоя! – Внезапно выкрикнула Фай из-за моей спины, её голос дрожал от гнева и отчаяния. – Мы расстались два месяца назад! Свали отсюда нахрен!

– Слышал? – Я сделал шаг вперёд, и моя тень накрыла его с головой. – Девушка сказала – свали нахрен. Пока я тебе рожу не начистил. Хотя, судя по твоей речи, её и чистить не нужно – она и так идеально отполирована пустотой.

– Ну попробуй, начисти, раз такой храбрый. – Он вызывающе выпятил грудь, но я видел, как дрогнул его взгляд. Ага, испугался. Умный мальчик.

Я сократил дистанцию одним шагом, встал так близко, что он был вынужден откинуть голову, чтобы смотреть мне в глаза. Разница в габаритах была очевидна.

– Так, брейк! – Резкий крик заставил меня на мгновение отвлечься. Это был Хэнк. Он подбежал и встал между нами, его взгляд метнулся от меня к незнакомцу. – Ты кто и что те-

бе надо? А то я тут, понимаешь, фильм про романтику смотрю, а ты как плохой саунд-трек.

Тот, почувствовав временное преимущество, отступил на шаг, но не опустил глаз.

– Ничего. Потом ещё поговорим. – Он бросил это сквозь зубы, а затем указал пальцем на Фай. – А ты... Не смей раздвигать перед ним ноги. Если узнаю – убью.

Всё. Это был конец. Вот оно, кульминационное заявление. Просто и со вкусом.

– Ты что, сука, сказал?! – Рёв вырвался из моей груди сам по себе. Я двинулся вперёд, но Хэнк ухватил меня за грудь с силой, которой я от него не ожидал. – Отпусти! Я его сейчас из говна и палок соберу заново, чтобы мать не узнала!

– Остановись, Адам! Нам не хватало, чтобы тебя отчислили из-за драки с живым пособием по нарциссизму! – Хэнк вцепился в меня мёртвой хваткой. – Фай! Ты его знаешь?!

Она стояла, прижавшись к машине, бледная, дрожащая. Её голос был едва слышен, полный стыда и ужаса:

– Мой... бывший. Экземпляр, да.

Я подошёл к ней, обнял и почувствовал, как она вся дрожит.

– Не бойся, – тихо сказал я, прижимая её к себе. Моя злость ещё кипела, но под ней уже струилось что-то другое – жгучее желание её защитить. – Я рядом. А значит, всё будет хорошо.

Фай не ответила, лишь обняла меня в ответ, спрятав лицо

у меня на груди. Её дыхание было прерывистым, но постепенно выравнивалось. После этого я проводил её до самой аудитории, завёл внутрь, на глазах у всех поцеловал в лоб – чтобы не расстраивалась – и вышел в коридор.

Там уже ждал Хэнк, прислонившись к стене с видом человека, который вот-вот начнёт читать лекцию.

– Друг, ты чего это? Знаешь её пару дней, а уже готов голову снести любому, кто косо на неё посмотрит. Что за фигня?

– Следи за языком, друг. – Огрызнулся я, даже не глядя на него.

– Ты что, влюбился что ли? Не слишком ли быстро? – В его голосе сквозило недоверие.

– Никто не влюблялся. – Резко парировал я. – Просто не выношу уродов, которые обижают девушек. У меня, кстати, стойкое подозрение, что он ещё и руки распускает.

Я сжал кулаки до хруста в костяшках, представив на секунду, как эта тварь может ударить Фай.

– Эй, ладно, расслабься! – Хэнк схватил меня за локоть, будто опасаясь, что я прямо сейчас брошусь на кого-то. – Тебе и так проблем хватает: сестра, теперь ещё и девушка...

– Хэнк! – Предупреждающе бросил я.

– Понял, понял. – Он отступил. – Пошли уже, сейчас контрольная.

На самом деле, я написал едва ли половину. Но материал знал, так что средний балл был обеспечен. Зато в голове я

уже раз десять изуродовал того парня. Каждый раз – всё более изощрённо.

– Эй. – Толкнул я друга локтем под партой. – Ты знаешь, кто это был?

– Ты о ком? – Прошептал Хэнк, не отрываясь от работы. – А, тот, с парковки? Да, знаю. Местный футболист. Репутация у него, мягко говоря, не очень. Говорят, психованный и агрессивный.

– Так, если вы болтаете, значит, всё написали. – Раздался резкий голос миссис Вайтли. – Сдавайте работы и можете быть свободны.

В коридоре Хэнк сразу набросился на меня.

– Ну ты придурок! Я даже половины не успел написать!

– Не ной. – Отмахнулся я. – Ты знаешь, где его найти?

– Не сложно узнать. У меня есть один знакомый, который может это выяснить.

– Отлично. Значит, сегодня вечером. Встретимся с ним и поедem проверим заодно то место.

– Да что с тобой такое? – Хэнк смотрел на меня, будто видел впервые. – С появлением этой девчонки ты стал какой-то неуравновешенный.

– Со мной всё в порядке. Не нагнетай. Пошли, я есть хочу.

В столовой Хэнк молча прожигал меня взглядом, но к концу обеда всё же выяснил, где можно найти того парня. Следующие пары тянулись мучительно долго. На парковке Фай молча села в машину и всю дорогу не проронила ни сло-

ва. Заговорила только у своего дома.

– Спасибо, что защитил. Правда. – Её голос был тихим, но тёплым. Она положила руку мне на плечо, и от этого простого прикосновения что-то ёкнуло внутри.

– В этом и был смысл нашего договора. – Попытался я улыбнуться, но вышло напряжённо.

Фай лишь кивнула и вышла из машины. Я уже через открытое окно прокричал:

– Сегодня я пропаду! Не теряй меня, ладно?

Не сдержался. Выскочил из машины, догнал её и обнял. Она обернулась, и в её глазах было столько всего – благодарности, усталости и какой-то глухой, невысказанной тоски. Мне показалось, что ей этого мало. Что ей нужно больше. Я перестал сопротивляться этому порыву. Положил ладони на её щёки, взгляделся в её лицо и поцеловал. Нежно, бережно, будто она – хрупкое сокровище, которое нужно охранять ото всех в этом жестоком мире.

Потом сел в машину и уехал, не оглядываясь. В зеркале заднего вида я видел, как она стоит на том же месте, провожая меня взглядом, пока моя машина не скрылась за поворотом.

Глава 8

Фай

«Мой план идеален: тебе не нужно ничего делать. Просто будь рядом и смотри влюблённо. А я буду черпать из этого взгляда всё своё счастье. Односторонне, но эффективно. Ты же не против?»

Проводив Адама взглядом, я поплелась домой. В голове было пусто и тяжело одновременно. Хотелось лишь одного – чтобы этот придурок-бывший наконец-то растворился в прошлом и перестал отбрасывать свою уродливую тень на мою новую жизнь. На эти... мои «фейковые» отношения, которые с каждым днём пахли всё меньше фальшью и всё больше чем-то хрупким, настоящим, за что я начинала бояться.

Мы встречались три месяца. Нельзя сказать, что все эти дни были адом. Первый месяц был... навязчивой сказкой. Он осыпал меня цветами и комплиментами, смотрел так, будто я была его спасением. Его внимание было густым, как сироп, и таким же удушающим. Он запоминал каждую мелочь, но не для радости, а словно составлял каталог моих слабостей. Это была красивая, но душная оранжерея, из которой мне уже тогда хотелось вырваться, но его «забота» не оставляла щелей.

А потом... Потом всё перевернулось. Ровно на стыке первого и второго месяца что-то щёлкнуло в нём. Как будто он

решил, что я уже куплена, оплачена и поставлена на полку, с которой он может снять меня в любой момент.

Сначала это были «заботливые» замечания. «Эта юбка слишком короткая, на тебя будут смотреть», «Это платье слишком яркое, ты что, на панель собралась?». Мои любимые вещи, в которых я чувствовала себя собой — солнечной, живой, — стали врагами. Он видел в каждом взгляде, брошенном в мою сторону, посягательство на свою собственность. Даже лёгкий макияж превращался в повод для ледяного, едкого комментария, который обжигал сильнее крика. Я начала сомневаться в своём вкусе, в своём праве нравиться себе.

Интимность стала полем боя, где у меня не было права голоса. Его желание было приказом. Его грубость он называл «страстью», а мою нерешительность — «холодностью». Я лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как внутри что-то отмирает, пока он «доказывал свою любовь». Слово «нет» перестало существовать. Оно вызывало непонимание, а потом — ярость.

На втором месяце он впервые ударил меня. Просто за то, что я «слишком много» разговаривала с официантом. Удар был стремительным, как выпад змеи. Потом — шок, мои тихие слёзы, а затем... его слёзы. Он рыдал, ползал на коленях, называл себя мразью, клялся, что это больше никогда не повторится. Он дарил новые цветы, водил в дорогие рестораны, был нежен, как в первый месяц. И я прощала. Мне

так хотелось верить, что тот первый месяц был настоящим, что этот хороший, раскаявшийся человек — и есть истинный он. Я ловила эти крохи «нормальности», как утопающий — соломинку. Так начинался порочный круг: напряжение, взрыв (оскорбления,насилие), «медовый месяц» (раскаяться, подарки), затишье, снова напряжение. С каждым циклом взрывы становились сильнее, а «медовые месяцы» — короче и фальшивее.

Он был полон загадок. Мог пропасть на несколько дней, не отвечая на звонки, а вернуться — мрачным, с запахом чужого парфюма или алкоголя, с синяками. На вопросы отвечал агрессивно: «Не твоё дело», «Ты что, контролировать меня вздумала?». Его жизнь была окутана мутными историями, «важными делами», о которых нельзя говорить. Иногда я ловила на себе его странный, оценивающий взгляд — будто он примерял мою боль на какую-то свою, внутреннюю шкалу. Я пыталась его спасти. От чего — я не знала. Может, от его демонов, от этой ярости, что пожирала его изнутри. Я слушала, утешала, терпела, готовила ему, когда он возвращался, пытаясь создать тот самый «домашний уют», о котором он мечтал. Но его «семья» была тюрьмой, где надзиратель и заключённый жили в одном теле.

К середине третьего месяца я поняла: я спасаю не его, а тону сама. Его слова въедались в душу, как кислота. «Без меня ты никто», «Кто тебя такую, истеричку, ещё полюбит?», «Ты сама виновата, что доводишь меня». Я перестала узна-

вать себя в зеркале. От живого, яркого человека осталась тень, которая вздрагивала от резкого звука и извинялась за своё существование.

Мысль, пробившаяся сквозь этот туман, была кристально чистой и чудовищной:

Ни одна женщина не заслуживает этого. Никогда. Мужская рука не должна подниматься на женщину. И если я останусь, я умру — морально, а может, и физически.

Я писала смс трясущимися пальцами, утверждая, что уже обратилась в полицию с его угрозам и преследованиям, и что если он появится рядом, то следующий звонок отправит его в камеру. Этот блеф сработал, обнажив его собственную уязвимость — значит, за ним уже что-то было, чего он панически боялся.

Этой же ночью, с чемоданом, набитым не вещами, а обрывками собственного достоинства, я сбежала из его квартиры — той самой, где он мечтал «построить семью». Семью, фундаментом которой были страх, контроль и молчаливое страдание.

Он не исчез. Его звонки с неизвестных номеров и сообщения, полные то ненависти, то жалобных упрёков, ещё долго прилетали, как грязные камни в окно моей новой, шаткой, но уже моей жизни. Каждый такой звонок заставлял сердце бешено колотиться, но теперь в нём бился не только страх, а и гнев, и горькое, выстраданное понимание: Я выбрала себя. И это был самый трудный и самый важный поступок в моей

жизни.

И теперь, шагая по тёмной улице, я сжала кулаки в кармане кофты. Он мешал не только мне. Он мешал этому новому чувству, этим тёплым взглядам Адама, этой иллюзии безопасности, которая с каждым днём становилась всё нужнее и всё реальнее. Я хотела, чтобы он исчез. Навсегда.

Зайдя в дом, я замерла. Дома пахло чистотой, ароматным ужином и свежевыстиранным бельём. Всё блестело, каждая вещь лежала на своём месте. У меня сжалось сердце – такое бывало только тогда, когда происходило что-то очень важное. Или страшное.

– Мам? Где ты, мам? – Голос прозвучал тревожно даже для меня самой. В доме пахло... чистотой. Не просто порядком, а каким-то новым, чужим запахом средства для мытья полов и свежестью. Это было неестественно. Пугающе.

Я нашла её в гостиной. Она сидела на диване, смотрела телевизор, но взгляд её был где-то далеко, будто застрял между кадрами старой плёнки.

– Ты чего кричишь? Я здесь.

– Дома так чисто... И пахнет. Ты что, даже диван почистила?

– Да. – Она ответила сухо, не оборачиваясь.

– Мам, не пойми меня неправильно... но за последние три года я никогда не видела такого порядка. Что на тебя нашло?

Она медленно повернулась. Глаза её были красными, но в них стояло редкое, почти забытое спокойствие.

– Прости меня, Фай.

Этих слов я не ожидала. Мечтала о них – да. Жаждала услышать хоть что-то, кроме молчания, которое глушило всё вокруг. Но услышать сегодня, вот так, без предисловий... почва ушла из-под ног. Я почувствовала, как по щеке скатывается первая слеза, и опустилась на диван рядом с ней.

– Прости меня, ладно? – Её голос дрогнул. – Я виновата перед тобой. И я приняла решение, которое, надеюсь, избавит твою жизнь от страданий.

– Мам, пожалуйста... ты меня пугаешь.

Мы так давно не говорили. Не по-настоящему. Не о чувствах, не о боли, не о папе. После его смерти в нашем доме будто выключили свет. Он был сердцем этого места – тем, кто смешил, обнимал, чинил протекающий кран и приносил маме букеты просто так, потому что «без тебя нет смысла». А её любовь к нему была таким цельным, хрустальным миром, что когда его не стало, этот мир разбился вдребезги. И осколками поранило нас обеих. Только я, кажется, пыталась склеить себя, а она... она просто легла на эти осколки и замолчала. И я тоже замолчала. Зачем открываться, если даже собственной матери я стала неинтересна? Проще было молчать. Проще было не чувствовать.

Но сейчас это молчание – годами копившаяся обида, горечь, детская боль от того, что меня оставили одну с этой пустотой, – всё это поднялось в горле едким комком. Я хотела крикнуть: «Да, ты виновата! Где ты была?!» Но слова застря-

ли. Потому что передо мной сидела не та сильная, неуязвимая мама из моего детства, а женщина, разбитая горем. И я не знала, кого ненавидеть сильнее: её за то, что сломалась, или себя за то, что не смогла её спасти.

– Слушай... – Мама взяла мою руку, и её пальцы были холодными. – Я понимаю, что причинила тебе много боли. Да и сама я не рада такому исходу. Ты у меня такая молодец – и учишься, и работаешь... а я сдалась. Мне казалось, что без него больше нет смысла. Было одиноко. Невыносимо одиноко.

Из её глаз тоже потекли слёзы. Искренние, горькие. Она не просто говорила – она признавалась. Впервые за три года. И я подумала: *мне же тоже было одиноко*. Папа любил нас обоих безумно, но его любовь к маме была другим, взрослым чувством – всепоглощающим, почти мистическим. А я осталась одна со своей болью. Мне пришлось справляться в одиночку, потому что та, кто должна была быть опорой, сама рассыпалась в прах. И сейчас, когда она говорит об этом, становится ещё больше – потому что легче было молчать, чем слышать, как она говорит о нём. Лёгкая обида закипела во мне: «А я? А моё одиночество? Ты его вообще видела?»

– Мам... зачем ты мне это говоришь? – Я прошептала, задыхаясь от слёз, в которых смешались облегчение, боль и этот гложущий, несправедливый укор.

– Я увидела мальчика, который тебя поцеловал. Того, что приезжал за тобой. – Она слабо улыбнулась. – Мне кажется,

он в тебя влюблён.

– Нет, мам... такого не может быть.

– А я уверена. И думаю, ты тоже в него влюблена.

– Мы знакомы всего несколько дней. – Опустила я голову.

– И к тому же... всё сложно.

– Отношения и любовь – это всегда сложно. – Мама попыталась улыбнуться полной улыбкой, но получилось только одним уголком губ. – Он приезжал за тобой, я видела в окно. И это... напомнило мне, как ухаживал за мной Андриан. – Мама называла папу так, потому что русское имя ей никак не удавалось выговорить, язык не поворачивался. А он только смеялся и целовал её в макушку.

Она замолчала, и в её глазах на мгновение вспыхнуло то старое счастье. Оно было таким живым и ярким, что моё сердце сжалось от острой, ревнивой боли – боли за то счастье, которого у меня больше никогда не будет, и за ту боль, которая у нас теперь общая.

– Он был таким, как этот твой парень – настойчивым, но нежным. Он мог поцеловать меня посреди улицы, когда я меньше всего этого ожидала, и мир вокруг замирал. Он приносил цветы каждый божий день, даже если это были просто одуванчики, сорванные у дороги. А когда тебя впервые дали ему поддержать... Он плакал. Большой, сильный мужчина, а стоял в больничной палате, прижимал к себе крошечный свёрток и плакал от счастья, повторяя шёпотом: «Дочка. Моя дочка».

Она не сдержала улыбки, но слёз стало ещё больше.

– Я не хочу быть обузой на твоих плечах, дочка. Сегодня я позвонила врачу. Он предложил мне лечь в клинику – пройти лечение и поработать с психологом. Это всего на пару месяцев, но я думаю... у меня получится. И мы заживём обычной, спокойной жизнью. Мне просто нужно время, Фая.

Только мама называет меня русским именем – тем, которое при рождении дал мне папа. От этого слова внутри что-то обрывается и тает, смывая часть обиды, оставляя лишь щемящую нежность и эту давнюю, детскую тоску по той маме, что была раньше.

– Мам... я в тебя верю. У тебя точно всё получится. – Сквозь слёзы я улыбнулась и притянула её к себе, обняла изо всех сил, чувствуя, как её худые плечи вздрагивают от тихих рыданий. Я обнимала её, свою маму, и ту боль, которую мы обе носили в себе так долго, что она стала частью нас. И впервые за три года в этом объятии было не отчаяние, а слабая, хрупкая надежда.

– Спасибо. Я не подведу, обещаю. Ну всё, хватит реветь. – Она вытерла глаза рукавом кардигана и встала. – Может, поужинаем? Я приготовила курочку с картошкой, как папа раньше делал. Помнишь?

– Да, конечно. Давай поужинаем. Я только переоденусь.

Улыбнувшись ей – по-настоящему, впервые за долгие месяцы, – я побрела в свою комнату. Закрыла дверь на ключ, медленно сползла по ней на пол и, прижав колени к груди,

разрешила себе тихо, беззвучно выплакать всё, что копилось годами.

Это были не просто слёзы. Это был прорыв плотины. Из меня хлынуло всё: застарелая обида на мир, который отнял отца; горечь на маму, которая сломалась и оставила меня одну; ядовитый стыд перед самой собой за то, что я позволила тому ублюдку-бывшему ломать меня, бить, унижать – и за то, что у меня хватило сил сбежать лишь тогда, когда он начал угрожать уже не только мне, но и моей жизни; и жгучая, едкая боль от осознания того, что я сделала с Адамом. Что я втянула его в свою игру, в свой фальшивый договор, использовала его силу и его готовность помочь, притворившись, что мне нужна лишь защита. А на самом деле я с самого первого взгляда хотела, чтобы он просто был рядом. Чтобы его твёрдые руки держали меня, а взгляд, такой живой и насмешливый, оставался на мне.

И теперь, когда мама заговорила, когда в доме снова пахнет жизнью и надеждой, я чувствовала себя самой большой обманщицей на свете. Какое я имею право цепляться за него, если начала всё с лжи? Сознательно подставила его под угрозы, под гнев своего бывшего, под возможные проблемы. Моя совесть грызла меня изнутри, терзая острыми, холодными зубами. Я поставила его в опасное положение, прикрываясь его же мужеством.

Я уткнулась лицом в рукав кофты Адама – той самой, что взяла в машине и забыла отдать. От неё пахло его одеколо-

ном, чем-то древесным, тёплым и таким... нужным. И от этого знакомого, успокаивающего запаха стало ещё невыносимее. Казалось, меня просто разрывало изнутри. Я разревелась, дав волю всему, что копилось месяцами и годами: по этой одинокой, холодной зиме внутри, которая, казалось, никогда не закончится; по той девочке, которой я была раньше – уверенной, смелой; и по нему. По Адаму, который ворвался так стремительно, что я не успела даже понять, как сильно, как отчаянно начала в нём нуждаться. Как боюсь его потерять, даже не успев по-настоящему обрести.

В порыве истерики, захлёбываясь слезами и соплями, мне даже некому было выговориться. Единственный человек, которого я уже мысленно считала своим, моей опорой и моей тайной слабостью, был он. И я, с дрожащими, мокрыми от слёз пальцами, взяла телефон. Экран расплывался перед глазами.

Фай: Прости меня, ладно? Я не хотела, чтобы всё так вышло. Думаю, у тебя всё будет хорошо. Прощай.

Я отправила сообщение и тут же похолодела от ужаса, выронив телефон. Что он подумает? Поймёт ли, что это не просто слова, а крик о помощи, замаскированный под извинение? Паническое желание оттолкнуть его первым, пока он не отвернулся сам, увидев всю мою грязь и страхи? Я обхватила себя руками, стараясь унять дрожь, но слёзы лились рекой, смывая макияж, притворство и остатки сил. Я сидела на полу, в тишине своей комнаты, и чувствовала себя абсолют-

но разбитой, жалкой и бесконечно одинокой, даже понимая, что на самом деле уже не одна.

А ещё мне нужно было извиниться и перед Милли. За все эти недели отчуждения, за свои секреты, за ту стену, которую я выстроила между нами, пока пыталась просто выжить. Вдруг, в один момент, эта стена показалась мне самой глупой и ненужной вещью на свете.

Фай: *Привет. Ты сможешь зайти ко мне? Я всё рассказываю.*

Ответ пришёл мгновенно:

Милли: *С тобой всё в порядке? Конечно, скоро буду.*

Больше я не намерена ничего скрывать. Я уверена – она меня не предаст. Пора научиться доверять и давать людям второй шанс. И себе тоже. Может, так моя совесть немного успокоится.

Немного успокоившись, я поднялась на ватных ногах и побрела в ванную. Умылась, смыла следы слёз, заново накрасилась. Не хотела, чтобы мама видела мои переживания – сейчас ей нужна моя сила, а не слабость. Переодевшись в удобные спортивные штаны и футболку и накинув его кофту, спустилась вниз.

Мама уже накрыла на стол. Мы просидели за ужином, даже не знаю, сколько времени, не переставая болтать и смеяться. Было так тепло и легко, что я почти поверила, что всё и правда наладится. Но нас отвлёк звонок в дверь.

– Это Милли, моя подруга. Мы пойдём наверх поболтать

немного, ты не против?

– Конечно, болтайте. А ты потом меня с ней познакомишь? – Мама хитро улыбнулась.

– Конечно. А сейчас не хочешь?

– Нет, давай через пару месяцев. А то сейчас я... немного не в форме. – Она нервно сжала ладони.

– Хорошо, мам. Не волнуйся. – Я подошла, поцеловала её в щёку и побежала открывать.

Мы с Милли сразу поднялись наверх. Она уселась на кровать в позе лотоса, а я присела рядом и крепко обняла её. Сначала она удивилась, но потом прижала меня ещё сильнее.

– Что случилось, Фай?

Мне будто нужно было, чтобы кто-то задал этот вопрос именно сейчас. Меня прорвало. Я рассказала ей всё. О семье, о маминой борьбе с собой, о той боли, которую я годами прятала за маской равнодушия. О папе, который погиб, о бабушке и её русских словечках. Даже своё настоящее имя сказала. Она слушала, не перебивая, только иногда прикрывала рот ладошкой от удивления.

– Обалдеть. Значит, ты русская? И тебя зовут Фая? Ух ты...

– Не совсем. Просто папа и бабушка были русскими. Папа перевёз её сюда после девяностых – хотел начать всё с чистого листа. Потом встретил маму и, как сам говорил, влюбился с первого взгляда. А потом... инсульт. И всё. Его не стало в один миг.

Говорить об этом было невыносимо больно. Каждое слово обжигало горло, как будто я вытаскивала наружу осколки стекла, которые годами резали меня изнутри. Но я продолжала, потому что молчать было уже невозможно.

– А бабушка... – Голос у меня задрожал, и я на мгновение закрыла глаза, чтобы собраться. – Бабушка умерла ровно через неделю после его похорон. Врачи сказали – остановилось сердце. Материнское сердце просто не выдержало ухода сына.

Мне было так больно, что слова застревали в горле. Бабушка была моим целым миром. Каждый день после школы я бежала к ней – мы пили чай с вареньем, которое она сама варила, а еще учила меня тем старым русским словам, которые сейчас уже почти никто не помнит. Она гладила мне волосы и пела колыбельные, которые пела ещё папе. Её руки всегда пахли ванилью и тёплым тестом. А когда папа умер, она просто села в своё кресло у окна, посмотрела на его фотографию и тихо сказала: «Всё, солнышко моё, я устала». И словно потухла. Я осталась совсем одна – с мамой, которая ушла в своё горе так далеко, что я не могла до неё дотянуться.

– Фай... Спасибо, что поделилась со мной. Я раньше стеснялась подойти ближе – думала, оттолкнёшь.

– Я бы, наверное, и оттолкнула, – призналась я тихо, и снова к горлу подступил ком. – Прости. Прости за все эти месяцы холодности. Мне было так страшно, что если я пушу

кого-то слишком близко, то они увидят всю эту... разруху внутри. Увидят, какая я на самом деле сломанная. И уйдут.

– Не уйду, – Милли твёрдо сказала и взяла меня за руку.
– Никуда не уйду.

И в этот момент, сквозь всю боль и раскаяние, сквозь стыд за свои секреты и за ту ложь, с которой я начала отношения с Адамом, во мне затеплилась маленькая, хрупкая надежда. Может быть, доверие – это не слабость. Может быть, это и есть тот самый мост, по которому можно выбраться из одиночества.

– Это хорошо, что ты открылась, – мягко сказала Милли. Я заметила, как её взгляд стал осторожным, полным желания отвлечь меня от этой тяжёлой темы. – Я как раз присмотрела ту твою розовую кофточку... – начала она, пытаясь перевести разговор на что-то лёгкое.

Но я не дала ей договорить. Внезапным движением я повалила её на кровать, набросившись со щекоткой. Она ахнула от неожиданности, а потом залилась милым, беззаботным хихиканьем, отбиваясь и пытаясь увернуться. В этот миг тяжёлое отступило, уступив место чему-то простому и светлому – как в детстве, когда боль можно было защекотать до смеха. Мы смеялись до слёз, пока у меня не заныло от напряжения в щеках – мышцы, казалось, забыли, как это – растягиваться в настоящей, невынужденной улыбке.

– Сдаюсь! Сдаюсь, тиранка! – Милли выдохнула, откидываясь на подушку. Её взгляд упал на меня, и она вдруг при-

щурилась. – А это что за кофта на тебе? – спросила она, указывая на рукав толстовки Адама. – Я видела её на... о боже, вы что, уже?!!

– Нет, дорогая, – я вздохнула, и улыбка на моём лице стала немного вымученной и потухшей. – Вот тебе ещё одна неудачная история моей жизни. На десерт.

И я рассказала ей всё. О плане, о договоре, о всей этой абсурдной ситуации, которая обернулась чем-то слишком реальным. Милли слушала, и её рот медленно открывался от изумления, а глаза становились всё круглее.

– Фай, так не бывает, – наконец выдавила она, качая головой.

– Бывает. Вот, например, у меня, – я повернулась и упала на спину, глядя в потолок, словно там были написаны ответы на все мои глупые вопросы.

Подруга легла рядом, и её плечо касалось моего.

– Но я видела, как он на тебя смотрит, – тихо сказала она. – Это был не взгляд на «делового партнёра по фальшивым отношениям». Это был взгляд... как в кино.

– У меня дежавю, – Милли на секунду задумалась, а потом мы оба расхохотались, потому что вспомнили, как она точно так же давала комментарии по поводу Хэнка. Смех был горьковато-сладким, но он очищал душу.

– Мне кажется, это судьба, – прошептала она уже серьёзно. – Он тебе что-нибудь уже ответил?

Я взяла с тумбочки телефон. Сердце на мгновение замер-

ло в глупой, детской надежде, но экран был пуст. Сообщений не было. Только моё одинокое «прости» висело в цифровой пустоте, как крик в бездонном колодце.

– Нет. Не ответил, – мой голос прозвучал тише, чем я хотела. Внутри снова похолодело. – Может, он просто одумался. Понял, что это ничего не значит и бессмысленная трата времени. Что я просто очередная проблема, от которой лучше отойти подальше.

– Ты просто расстроена и устала, – Милли обняла меня за плечи. – Думаю, завтра он что-нибудь да скажет. Ты же сама говорила – он не из тех, кто просто так сбегает.

Мы проболтали почти до ночи, о чём-то неважном и уютном. Потом Милли вызвала такси и уехала, а я, с неожиданно лёгкой и чистой совестью, наконец легла спать. Но даже закрыв глаза, я чувствовала, как в тишине комнаты отдаётся тихий, ноющий звон – отголосок неотправленного ответа и страх, что я всё испортила, прежде чем что-то успело начаться по-настоящему.

Глава 9

Адам

« Можешь считать меня маньяком. Я убью за случайный взгляд на тебя. Прими это или пристрели меня – твой выбор. Оба, по-своему, будут милостью.»

– Ну и ночка сегодня, конечно, – проворчал Хэнк, доедая пачку чипсов и протирая пальцы о джинсы.

Мы сидели в машине на тёмной, безлюдной улице и ждали. Ждали, когда тот парень – бывший Фай – вернётся домой. Знакомый Хэнка, который знает всё и обо всех, слил нам адрес и даже примерное расписание. Всё это пахло самосудом и паранойей, и от этого в горле стоял металлический привкус. Но мы уже не могли просто сидеть сложа руки. Эти ночные вылазки стали нашей тёмной, молчаливой миссией. Никто, кроме нас троих, не знал, куда мы пропадем по ночам и зачем. А причина была веской и чёрной, как эта ночь за тонированным стеклом. В городе одна за другой пропадали девушки. Слухи нашёптывали о каких-то парнях из футбольной команды, о вечеринках, после которых девушек больше не видели. И этот тип... он был как раз из той компании. Если он угрожал Фай – значит, знал, что это работает. Значит, мог быть причастен.

Но дело было не только в Фай. Я должен был точно знать. Не ошибался ли я? Это был не просто защитный рефлекс

старшего брата – это был холодный, до костей пронизывающий страх. Моя сестра, Аманда, ходила в ту же школу, что и некоторые из пропавших. Она была молода, доверчива, и она была моей сестрой. Если эта тварь или кто-то из его круга присмотрелся бы к ней... Мне нужно было выяснить, где они их держат. И кто за этим стоит. Хотя бы начать с него. Одна ошибка, одно промедление – и цена могла стать невыносимой.

Я сжал руль так, что костяшки побелели. Мне нужны были не предположения, а доказательства. Не слухи, а признание. И если для этого придётся стереть с его лица ту самодовольную ухмылку – я сделаю это. Ради Фай. Ради всех тех, кто не вернулся домой. И ради Аманды, которая, слава богу, даже не подозревала, что её брат каждую ночь превращается в тень, готовую на всё, чтобы её мир оставался безопасным.

Тогда, на парковке, я просто видел в нём бывшего – ревнивого, злого идиота, который хочет причинить боль Фай. Угроза убийством казалась жестокой выходкой озлобленного неудачника. И этого уже было достаточно, чтобы я возненавидел его всей душой. Но до этого, когда мы с парнями начали потихоньку собирать сплетни – те самые, которые в колледже шёпотом пересказывают друг другу, – картинка начала меняться. Его имя всплывало не просто так. Оно маячило на краях историй о пропавших девушках. Тогда я не знал, кто он, и не обращал внимания на это имя. «Он был на той вечеринке». «Его видели с той самой первокурсницей в

ночь, когда её не стало». «Говорят, у них там своя компания, и они все покрывают друг друга».

Сначала я отмахивался. Слишком уж похоже на городскую легенду, на попытку списать все беды на какого-то одного парня. Но когда Хэнк через своих «знакомых» выяснил, что этот тип действительно крутится в одной компании с теми, на кого косо смотрят даже старшие братаны из соседнего района, по спине пробежали мурашки. А потом я вспомнил его улыбку на парковке. Не просто злую, а... уверенную. Как у того, кто знает, что ему всё сойдёт с рук. Кто считает себя недосягаемым. И тогда всё сложилось. Его угроза «убью» прозвучала не как эмоциональная вспышка. Она прозвучала как обещание. Как то, что он уже делал раньше и знает, как это обставить.

Я не стал делиться этими догадками с парнями сразу. Не хотел, чтобы они лезли в это по уши, рискуя больше, чем нужно. Но в эту ночь, когда мы ждали его в машине, я смотрел на тёмные окна его дома и уже понимал: это не просто выяснение отношений. Это что-то гораздо большее. И если он действительно причастен к тем исчезновениям... то сегодня мы начнём копать в нужном месте. И, возможно, найдём не только его большое эго, но и узнаем о нём чуть больше.

– Ты уверен, что тебе это надо? – Хэнк нарушил тишину, глядя в темноту за лобовым стеклом. – А ради чего, собственно? Просто потому, что он нахамил твоей девчонке?

Я сжал руль так сильно, что суставы побелели, а в пальцах

заныла тупая боль.

– Ты разве не слышал, что он ей угрожал? Убить обещал. Если бы такое сказали про Милли, ты бы сидел тут спокойно?

Сзади раздался звук, будто кто-то подавился, затем – глоток.

– Ну, конечно, нихера не нормально, – прочистил горло Сэм. – Девчонок наших запугивать – это ниже плинтуса. Надо ему по морде надавать, чтобы знал, на кого газует.

Мы с Хэнком переглянулись и хором выпалили:

– Наших?

– Наших?

– Дежавю, – фыркнул Сэм, тыча в нас пальцем. – Ваших. Твою и твою. Всё? Теперь нормально?

– Нормально, – буркнул я, уже всматриваясь в темноту. – О, а это не он?

По пустынной улице, покачиваясь, шла фигура.

– Он самый. Ладно, я пошёл. Если что – кричите. – Я бросил друзьям взгляд, полный холодной решимости, и полез за кастетом, лежавшим в бардачке. Матч был скоро, и калечить руку мне было нельзя. Но и оставлять это так тоже нельзя.

– Хм, может, помочь? – неуверенно протянул Хэнк.

– Не-а. Я сам.

Я вышел из машины, сунув руку с кастетом в карман толстовки, и быстрым шагом пошёл навстречу. Сердце билось ровно и гулко, как барабан перед казнью.

– Эй, метр с кепкой! – окликнул я его, сходя с тротуара. Ледяной сарказм капал с каждого слова, как яд. – Ну что, поболтаем, звезда местного сериала «Качок с пустой башкой»? Ты же этого так хотел. Пришёл по твоей срочной заявке.

Он обернулся, и на его лице расплылась кривая, самоуверенная ухмылка – будто он только что выиграл в лотерею, где главный приз – мои нервы.

– О, нашёлся. Меня, вообще-то, зовут...

– А меня – нет, – перебил я, сокращая дистанцию одним долгим шагом. Воздух между нами стал густым, как бульон из ненависти и тестостерона. – Я сам прихожу. Можешь оставить своё имя для могильщика, мне плевать. – Моя рука в кармане сжимала холодный металл. Каждый шип кастета был отдельным обещанием боли.

– Один? Без своих телохранителей? Не испугался? – Он огляделся, и в его глазах мелькнула та самая тень – крошечная, грязная искорка страха. Приятно. Очень.

– Я должен бояться тебя? – Я фыркнул. – Ты же вчера при всех угрожал девушке. Вершина храбрости. Давай, покажи класс один на один.

– Думаю, да, – пробормотал он, но его уверенность уже дала трещину.

Он двинулся первым – резко, подло и предсказуемо, как дешёвый злодей из плохого боевика. Я почти пожалел его, когда его кулак с размаху врезался мне в ребра. Тупой, размашистый удар, больше рассчитанный на запугивание, чем

на реальный вред. Боль пронзила бок, горячая и тошнотворная, выбив воздух. Отлично. Разминка.

Я не стал терпеть. Рука вырвалась из кармана, и мой ответ пришёлся ему прямо в солнечное сплетение – короткий, жёсткий апперкот, усиленный сталью. Он издал звук, похожий на лопнувший воздушный шарик, и согнулся пополам. Я тут же зарядил коленом ему в лицо, чувствуя под ударом отвратительный, сочный хруст носового хряща. Это был только первый раунд, а он уже дышал как паровоз, из разбитого носа текла алая струйка.

– Урок номер один, – произнёс я спокойно, наблюдая, как он качается. – Видишь разницу между нами? Тебе нужна была беспомощная девушка, чтобы почувствовать себя сильным. А мне – только ты. Твой страх. И эти пять минут, чтобы вбить в твою пустую башку мысль: дышать в её сторону больше не стоит. Понял?

Он не ответил. Только вытер кровь рукавом. Молчание – тоже ответ. Глупый, но ответ.

Следующий удар был быстрым и точным – не битьё, а хирургия. Костяшками кулака, обёрнутого в металл, я попал ему точно в угол челюсти. Глухой, влажный щелчок сместившейся кости отозвался эхом даже в моих собственных зубах. Он, шатаясь, попытался отступить, выставил ногу для жалкой подсечки. Я перешагнул через неё, как через лужу, схватил его за воротник и завалил на асфальт. Звук падения тела – глухой, тяжёлый, безжизненный. Я обрушился сверху всем

весом.

И понеслась симфония.

Я не бил – я долбил. Методично, почти механически. Каждый удар кастетом в корпус – в печень, в селезёнку, в рёбра – сопровождался хриплым выдохом и глухим стуком.

– Девушек обижать – это твой конёк, да?! – Мой кулак обрушился на скулу, и под кожей что-то неприятно поползло и осело. – Не по-людски как-то! Особенно не стоит такое делать при её парне! Ведь ты не знаешь, есть ли у него нерешённые вопросы с агрессией и паранойей!

Он, захлёбываясь кровью, вырвал одну руку и из последних сил рванул её вверх. Его кулак, слабый, но отчаянный, прилетел мне прямо в челюсть. В ушах зазвенело, мир поплыл, и во рту тут же наполнился тёплый, металлический привкус крови. Своей. Знакомо.

И тут он, глядя на меня мутными, полными чистой ненависти глазами, вдруг закричал, брызгая слюной и кровью:

– Ну что, Адам! Ты уже понял?! Что её надо драть как суку, без всех этих нежностей?! Ты же видел, как она кайфует, когда её прижимают к стенке!

Зря. Очень зря ты это сказал.

Тишина. На секунду во мне всё стихло. Исчезла ярость, боль, шум в ушах. Остался только чистый, белый, абсолютный гнев, холодный и беззвучный. Моя рука сама сжалась в кулак, я отклонился чуть назад, вложив в удар всю силу спины, плеча, всю накопленную ярость за каждую его мерзкую

мысль. И именно в этот миг оцепенения, прежде чем кулак успел обрушиться, он резко и неожиданно ловко рванулся – не назад, а вперёд, на меня. Его плечо ударило мне в грудь, сбивая с толку, и ловким движением он оттолкнул меня. Я грузно рухнул на асфальт, а он, будто пружина, отскочил и встал на ноги. Он стоял надо мной, вытирая кровь с подбородка, и на его губах расплзлась та самая хищная ухмылка.

– Ой-ой, Сандлер, – прошипел он, переводя дух. – Задумался? В драке это – роскошь. Теперь моя очередь читать лекцию.

Я вскочил на ноги одним движением, отталкиваясь ладонью от асфальта. В боку ныло, в виске пульсировало, но адреналин гнал кровь, смывая шок. Он стоял в паре шагов. И сейчас я видел его чётче. Видел, как дрожит его сжатая рука. Не от страха – от дикой, животной злобы.

– Лекцию? – Мой голос прозвучал хрипло, но ровно. – Ты ошибся аудиторией. Ты здесь для того, чтобы усвоить один урок. Навсегда.

Я не стал ждать. Резко сократил дистанцию. Вместо повторного удара в солнечное сплетение я нанёс короткий, рубящий удар ребром ладони с кастетом ему по ключице. Раздался глухой, костный щелчок. Он взвыл от новой, пронзительной боли – перелом или вывих всегда выбивает из колеи куда сильнее, чем удар в мягкие ткани.

– Знаешь, слухи о моей злости сильно преуменьшают, – прорычал я, пользуясь его замешательством. Он инстинк-

тивно схватился за плечо, и я всадил жёсткий прямой удар ему в диафрагму – чуть ниже грудной клетки. Это не солнечное сплетение, а удар по «дыхалке» – воздух с силой вырвался из его лёгких со звуком «бух», и он согнулся, пытаясь вдохнуть.

– Я не просто злой. Я – твоё личное наказание. Как тебя там? Неважно. Тупой ты мудака. А сейчас – практическое занятие по анатомии.

Не дожидаясь, пока он отдышится, я нанёс ещё один удар – короткий, взрывной хук в почку со спины. Он ахнул, и его тело снова согнулось неестественным образом, но на этот раз от спазмирующей, глубокой внутренней боли. Из его горла вырвался не стон, а тихий, прерывистый вой. Его колени подкосились.

– Видишь? Это была вводная часть, – я наклонился к его склонённой голове, хватая его за волосы и заставляя смотреть на меня. – Теперь – основная программа. Будет больно в местах, о которых ты даже не думал. Если, конечно, сознание не потеряешь раньше. Давай проверим твою выносливость, «отличник».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.